

МОСТ, О КОТОРОМ МОЛЧАТ

АРИНА САЙРОВА

Арина Сайрова

Мост, о котором молчат

«Автор»

2026

Сайрова А.

Мост, о котором молчат / А. Сайрова — «Автор», 2026

Смотритель Ладен Вежин хранит тайну моста между двумя княжествами: вооружённый человек может идти по нему бесконечно, пока жители приморской слободы расплачиваются за защиту собственными голосами. Когда к переправе подходят две армии, молчание перестаёт спасать людей и начинает служить тем, кто отдаёт приказы. Чтобы остановить войну, Ладену придётся раскрыть назначение моста, лишиться дома и ремесла, которым поколениями кормилась его семья, а затем договориться с духом, понимающим каждое слово буквально. Но открытая правда разрушает старую защиту — и оставляет два враждующих берега лицом к лицу. Атмосферное фэнтези о цене общего спасения, опасности безымянной жертвы и ремесле, которое становится честным лишь тогда, когда перестаёт быть тайной.

© Сайрова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Смотритель молчит	6
Глава 2. Карта без середины	13
Глава 3. Голос Неи	19
Глава 4. Дань к отливу	28
Глава 5. Один и тот же камень	34
Глава 6. Приказ Ратани	43
Глава 7. Слова под камнем	53
Глава 8. Немой рынок	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Арина Сайрова

Мост, о котором молчат

От автора

Тайна кажется надёжной защитой, пока цену за неё платит кто-то, кому не объяснили правил. Эта история — о мосте, который действительно спасает два берега от войны, и о людях, вынужденных молчать ради его силы.

Здесь магия слушает не намерения, а произнесённые слова. Героям мало быть правыми: им приходится называть цель, срок и последствия так, чтобы за красивой формулой не исчезал живой человек.

Книга не обещает простого выбора между правдой и безопасностью. Иногда скрытая правда удерживает оружие, а сказанная вслух открывает ему путь. Но право знать цену общего спасения принадлежит тем, кто её платит.

Глава 1. Смотритель молчит

Ладен вышел на мост до первого колокола, когда море ещё не решило, какого оно сегодня цвета. За сваями лежала свинцовая вода, дальше туман стирал пролив, а над крышами Мглина уже тянуло печёным луком и мокрой золой. Ветер шевелил семь бронзовых пластинок на связке у него за поясом. Каждая была вырезана по форме своей арки, и каждая отзывалась на камень иначе: первая звенела тонко, седьмая почти не звучала, будто её держали в кулаке.

Он остановился перед въездными столбами и положил ладонь на плиту с выбитой ладьёй. Камень был холодным. Так и полагалось. Тёплый камень означал, что ночью по мосту шли с оружием. Слишком холодный — что кто-то не дошёл до другого берега.

Сегодня плита просто хранила октябрьскую стужу.

— Доброе утро, — сказал Ладен мосту.

Это были единственные слова, которые старый смотритель позволял произносить на осмотре. Отец учил: с камнем надо быть вежливым, с туманом — осторожным, с вопросами — скупым. Тогда Ладену казалось, что Орин придумывает важность ремеслу, в котором половина работы состояла в том, чтобы стучать молотком по швам. После первого исчезнувшего голоса он перестал так думать.

Ладен вынул пластинку первой арки, приложил к кладке и ударил костяшкой пальца. Бронза ответила чисто. Вторая отозвалась с хрипотцой. Он присел, соскрёб с нижнего шва белую соль и нашёл трещину длиной с ноготь. В сумке лежали известь, промасленная пакля и узкий костяной нож. Он забил щель, разгладил раствор и поставил рядом угольную черту. После прилива следовало проверить, не разошлась ли она.

Под второй аркой дышал туман.

Он не плыл с моря, как обычный. Белая муть втягивалась под пролёт и выходила обратно с одинаковым промежутком, словно огромный невидимый зверь спал под мостом. Ладен считал вдохи, пока закреплял расшатанный болт в перилах. Семь вдохов. Пауза. Ещё семь. Всё как вчера.

На третьей арке лежала рыба чешуя, хотя вода не поднималась до неё даже в сизый прилив. Ладен смёл чешуйки в ладонь и бросил в море. На четвёртой кто-то ночью привязал к столбику красную нитку. Просьба о возвращении. Такие нитки вязали женщины, ожидавшие лодки, и матери, ожидавшие сыновей с другого берега. Он развязал узел и положил нитку в карман. Просьбам на мосту было не место. Мост не исполнял просьб.

У пятой арки начиналась подъёмная часть. Две цепи уходили в башенки по краям, колесо ворота пряталось за дубовой дверью. Ладен проверил замок. На меди проступил круглый след чужого пальца.

Он присмотрелся. След был свежий, жирный, поверх ночной росы. Кто-то трогал замок после последнего обхода.

Ладен не выругался только потому, что на мосту вообще старался не говорить лишнего. Он провёл пальцем по краю двери. Засов сидел на месте, сургучная капля на скобе не сломана. Значит, человек лишь пробовал ключ или искал щель. Глупость, но не беда. Пока не беда.

Со стороны Мглина звякнула упряжь. По насыпи поднимался обоз: три крытые телеги, две открытые, десяток людей пешком. Впереди шагала невысокая женщина в шерстяном плаще и вела серого мула. На дуге первой телеги висела дощечка с зелёным кругом — знак мирного груза. Ладен убрал пластинки за пазуху и пошёл им навстречу.

— До света не пропускаем, — сказал он, когда женщина приблизилась.

— Уже светло.

— Я вижу ваше лицо, а седьмой арки не вижу. Значит, не светло.

Женщина оглянулась на туман. Лицо у неё было узкое, обветренное, волосы спрятаны под платком. На поясе болталась деревянная мерная палка. Не купчиха — старшая над грузом или дорожная мерщица.

— На ратанской стороне сказали, ворота открывают с первым колоколом.

— На ратанской стороне много чего говорят о нашем мосте.

Она не улыбнулась, хотя возчик за её спиной хмыкнул.

— У меня соль, сукно, три ящика стекла и сушёные яблоки, — перечислила женщина.

— В накладной всё есть. Мы не хотим ночевать в Мглине ещё сутки.

— Накладную.

Она вынула из-за пазухи сложенный лист. Бумага промокла по краям, но печати были целы. Ладен прочитал имена хозяев, пересчитал телеги и людей. Семнадцать, если считать мальчишку под брезентом. Тот прятался неумело: босая пятка торчала наружу.

— Вылезай, — сказал Ладен.

Пятка исчезла. Брезент приподнялся, показалось веснушчатое лицо.

— Я при товаре.

— Тогда при товаре и стой. Спрятого человека мост может принять за спрятанный умысел.

— А он умеет? — спросил мальчишка.

Возчик схватил его за ворот и стащил с телеги.

Женщина с мерной палкой посмотрела на Ладена внимательнее.

— Умеет что?

Ладен сложил накладную и вернул ей.

— Ломать оси, если нагрузили криво. Открывайте телеги.

Они раскрыли тюки, подняли крышки ящиков. Соль белела в мешках, яблоки пахли дымом. Под сукном Ладен нашёл два ножа с ладонь длиной и топорик. Инструмент, не воинский запас. Ножи он велел обмотать тряпицей и положить в ящик. Топор остался у возчика: без него в дороге не починишь колесо.

— А это? — Ладен кивнул на длинный свёрток у заднего борта.

— Ось.

— Покажите.

В свёртке действительно лежала запасная ось, только внутри пустого дерева что-то перекатывалось. Ладен наклонил её. Послышался металлический шорох.

Возчик побледнел.

— Не моё.

— Конечно.

Ладен вынул костяной нож и поддел деревянную пробку. На ладонь высыпались наконечники стрел — узкие, свежавыкованные, штук двадцать. Для охоты слишком много, для войны слишком мало. Значит, проба. Кто-то хотел узнать, заметит ли смотритель оружие, если оно не собрано.

Ладен высыпал наконечники в кожаный мешок.

— Заберёте на обратном пути.

— Они оплачены, — резко сказала женщина.

— Тогда получите расписку.

— Кому мешает железо без древка?

Ладен поднял глаза. Туман за её плечом подполз к первому столбу и остановился, будто слушал.

— Мне, — сказал он. — Железо останется здесь.

Первый колокол ударил со слободской башни. В утреннем воздухе звук прошёл над крышами, коснулся воды и вернулся слабым эхом. Туман отступил от столба. Теперь через белизну проступала седьмая арка и тёмный склон Велеси.

Ладен снял цепь с въездных столбов.

— Идите шагом. Между телегами — десять локтей. Не останавливайтесь под арками. Не зовите тех, кто отстал. Если услышите знакомый голос снизу, не отвечайте.

Мальчишка перестал ухмыляться.

— Почему?

Ладен взял серого мула под уздцы и повёл на мост.

— Потому что снизу вода, а в холодной воде простужаются.

Женщина догнала его у первой арки.

— Я Мара Шестова, — сказала она. — Старшая обоза.

— Ладен Вежин.

— Знаю. На воротах написано.

Над входом действительно была прибита доска: «Смотритель Ладен Вежин. Плата за ось — две медницы, за телегу — пять, за скотину — одна». Ни слова о тумане, оружии и голосах. Такие доски висели при каждом смотрителе. Менялись имя и цена, остальное оставалось простым и понятным.

Первая телега вступила на камень. Колёса загрохотали, мул дёрнул ушами. Ладен шёл рядом, считая швы. На двенадцатом туман закрыл Мглин. На двадцать первом впереди исчез велесский склон. Обоз оказался в белом коридоре шириной с мост и длиной неизвестно куда.

Мара коснулась мерной палки.

— Сколько здесь шагов?

— Сегодня или вообще?

— Разве меняется?

— Дороги после зимы всегда длиннее.

Она снова не приняла шутку.

У второй арки из тумана донёсся плач. Тихий, детский, совсем рядом с перилами. Мальчишка повернул голову.

— Лиска?

Ладен стиснул его плечо раньше, чем тот успел крикнуть громче.

— Смотри на пятки переднего.

— Там моя сестра.

— Твоя сестра дома.

— Вы не знаете.

— Зато знаю, что под мостом.

Слова вырвались слишком быстро. Ладен почувствовал во рту вкус меди. Сразу, без предупреждения. Так бывало, когда фраза подходила близко к запретной границе. Не касалась тайны прямо, но показывала на неё пальцем.

Он сплюнул через плечо. Слюна была чистой. Значит, мост только предостерёг.

Мара заметила движение.

— Прикусили язык?

Ладен кивнул.

Плач стих. Вместо него снизу зашуршали камешки, хотя до дна было двадцать локтей. Серый мул упёрся ногами. Ладен потянул уздечку, животное мотнуло головой. Тогда Мара достала из кармана сушёное яблоко и поднесла к его губам. Мул сделал шаг, ещё один, и обоз снова двинулся.

Под третьей аркой воздух стал влажным и тёплым. По камню ползли капли. Ладен приложил ладонь к парапету. Тепло пришло не от солнца.

— Быстрее, — бросил он.

Колёса загремели чаще. Одна из телег качнулась на выбоине, внутри звякнуло стекло. Возчик выругался, но не остановился. Хороший возчик.

За четвёртой аркой туман поредел. Впереди показалась тёмная башенка подъёмного пролёта. Там стоял человек.

Ладен увидел его между двумя вдохами белой мути: высокий, в коротком плаще, без шапки. Человек держался за перила и смотрел вниз. На следующем вдохе туман закрыл башенку. Когда рассеялся снова, никого не было.

— Вы тоже видели? — тихо спросила Мара.

— Что?

— Человека.

— На мосту семнадцать человек.

— Восемнадцать с вами.

— Значит, восемнадцать.

Мара остановилась. Следующая телега едва не толкнула её в спину.

— Вы велели не останавливаться.

— Вот и не останавливайтесь.

Он взял её за локоть и потянул вперёд. Она высвободилась, но пошла. На досках подъёмного пролёта копыта мула звучали глуше, чем должны. Внизу ударила волна. Между щелями проступил белый пар.

Ладен посмотрел на сургучную каплю у двери. Цела. След пальца на замке исчез, будто его слизнули.

Значит, ночной гость был не снаружи.

Понимание легло под рёбра холодным грузом. Он продолжал идти, не меняя шага. Если обоз увидит его страх, люди побегут. Если побегут — растянут строй. Если растянут строй, мост начнёт выбирать, кого считать частью мирного обоза. А выбирать ему сегодня было нельзя.

— Песня помогает мулам идти, — сказал задний возчик. — Споём?

— Нет.

— Без песни они встанут.

— Тогда рассказывай им про овёс.

Возчик покосился на него, но послушался.

— Овёс будет на том берегу, — монотонно заговорил он. — Сухой, толстый, без камешков. Целое ведро. А если хозяин пожадничает, я ему...

— Про овёс, — напомнил Ладен.

Мул потянулся вперёд. Остальные животные пошли за ним.

У шестой арки заговорила женщина.

Не Мара и не кто-то из обоза. Голос поднялся снизу, ясный и спокойный, как будто его обладательница стояла на невидимой лестнице под парапетом.

— Ладен, ты забыл красную нитку.

Он ощутил нитку в кармане. Голос принадлежал Нее. Та же лёгкая хрипотца после сна, та же привычка проглатывать конец его имени.

— Ладен, — повторила сестра. — Я упала.

Мальчишка рядом судорожно вдохнул. Мара схватила его за руку и закрыла ладонью рот. Теперь она поняла правило без объяснений.

Ладен смотрел только вперёд.

— Я здесь, — сказал голос Неи уже сердито. — Ты слышишь меня?

Он слышал. За тридцать шесть лет Нея ни разу не спрашивала так. Она всегда говорила: «Не делай вид, что оглох». Мост умел брать тембр, дыхание, любимые слова. Но человека он не знал. Или тот, кто говорил под аркой, не знал.

Седьмая бронзовая пластинка за пазухой стала ледяной.

— Смотритель, — прошептала Мара, — что это?

Вопрос был простым. Самым опасным всегда оказывался простой вопрос, заданный человеком, который имел право получить ответ.

Ладен почувствовал медь на языке. На этот раз сильнее. В горле словно провели шероховатой верёвкой. Он мог сказать: течение. Птица. Туман играет звуком. Любая лож прошла бы, потому что мост не распознавал ложь. Но каждая лож оставляла вопрос живым, а живой вопрос возвращался снова, находил другого человека и однажды становился слишком точным.

— Не отвечайте ему, — сказал Ладен.

— Кому?

Он промолчал.

Белая муть рванулась между ними. На миг исчезли телеги, перила и камень под ногами. Остался только голос сестры.

— Ты ведь знаешь, почему я здесь.

Ладен сделал шаг вслепую. Под подошвой не было камня. Нога провалилась, тело качнулось к парапету. Он успел ухватиться за ремень мула. Животное взвизгнуло и дёрнуло его вперёд. Камень вернулся под ступню.

Туман отхлынул так же внезапно. Впереди открылся велесский берег: чёрные сосны, таможенная будка, дорога в гору. Обоз был цел. Семнадцать путников и Ладен стояли перед последней аркой.

— Идём, — сказал он.

Голос не вышел.

Ладен ощутил движение в горле, воздух коснулся губ, но не возникло ни звука.

Мара смотрела на него. Он повторил без голоса и махнул рукой к берегу.

Они миновали седьмую арку. Колёса съехали с камня на утрамбованную землю. Сразу вернулись обычные звуки: скрип осей, крики чаек, кашель возчика. Мальчишка вырвался от Мары и побежал рядом с телегой, будто боялся отстать на один шаг.

Ладен остановился у велесских столбов и попытался кашлянуть. Получился только выдох.

Мара встала напротив.

— Вы потеряли голос.

Он покачал головой и показал пальцами: ненадолго.

— Из-за моего вопроса?

Ладен вынул из сумки дощечку и кусок мела. «ИЗ-ЗА МОЕГО ОТВЕТА», — написал он.

— Вы не ответили.

Он стёр надпись рукавом. «ИМЕННО».

Женщина перечитала, потом посмотрела на мост. Снаружи он казался коротким и совершенно ясным. Семь серых арок над водой, две башенки, тонкая цепь подъёмного пролёта. Солнце пробило облака и легло на мокрые плиты. Ни клочка тумана.

— Мы шли почти час, — сказала Мара.

Ладен показал на утреннее солнце, потом развёл руками: меньше четверти.

— У меня песочные часы в первой телеге.

Он пожал плечами.

Мара велела возчикам двигаться к таможене, а сама задержалась.

— Наконечники вы оставили в Мглине. Я вернусь за ними через три дня.

Ладен кивнул.

— И тогда спрошу ещё раз.

Он написал: «НЕ НА МОСТУ».

— Значит, в другом месте можно?

Мел треснул у него в пальцах. Она заметила это и прищурилась.

Ладен стёр слова и написал крупнее: «НЕ СПРАШИВАЙТЕ».

— Это не одно и то же.

Она сунула мерную палку под ремень и ушла вслед за обозом.

Ладен подождал, пока последняя телега скроется за таможенной будкой. Затем повернул назад. С велесской стороны на въезде висела такая же цепь, но замок принадлежал местной страже. Обычно мостовой десятник приходил ко второму колоколу. Сегодня будка была пуста. На столе осталась кружка с паром, дверь качалась от ветра.

Ладен заглянул внутрь. На полу лежала шапка десятника. Под лавкой валялось копьё.

Копьё было плохим знаком. Ещё хуже — следы сапог, уходившие на мост. Один человек прошёл туда до обоза и не вернулся. Высокий, в коротком плаще, без шапки.

Ладен поднял копьё, обмотал наконечник мешковиной и привязал к древку. Затем написал на дощечке: «ДЕСЯТНИК?» — и показал таможеннику, который вышел на шум.

Тот был сонный и недовольный.

— Вейр? На месте должен быть. Ночью дозор принимал.

Ладен показал на следы.

— Может, пошёл до середины. Они спорили вчера, где кончается Велесь. Наш писарь говорит, у подъёмного пролёта, а ратанцы считают, что у шестой арки. Вейр хотел поставить свою метку.

Ладен закрыл глаза. Люди, желавшие пометить середину моста, всегда были уверены, что середина существует.

— Что с горлом? — спросил таможенник.

Ладен махнул рукой и пошёл к мосту.

Таможенник окликнул его:

— погоди. Из крепости прислали приказ. Сегодня после полудня пропустить сотню княжеских копейщиков. Учения на ратанском берегу.

Ладен обернулся.

— Начальник сказал, вы предупреждены, — продолжал тот. — Вчера отправили гонца.

Никакого гонца в Мглине не было.

Ладен вернулся, выхватил дощечку и написал: «НЕ ПУСКАТЬ».

— Приказ княжеский.

Он подчеркнул дважды.

— Ты смотритель камней, Вежин, а не воевода.

Ладен написал: «МОСТ ЗАКРЫТ ДЛЯ ОРУЖИЯ».

— В приказе сказано, оружие зачехлить.

«ЭТО ОРУЖИЕ».

— А если они снимут наконечники?

Ладен посмотрел на него. Кто-то уже задал тот же вопрос на другом берегу и спрятал наконечники в оси. Не проба контрабандиста. Подготовка.

Он стёр доску так яростно, что мел размазался белой кашей, и написал одно слово: «НЕЛЬЗЯ».

Таможенник отвернулся.

— Сам объяснишь княжескому сотнику.

Ладен коснулся горла. Голос мог вернуться через час, а мог — к следующему отливу. Он не знал, потому что никогда ещё не подходил так близко к ответу при семнадцати свидетелях.

Он вступил на мост один.

С этой стороны туман не поднимался. Видимость была ясной до подъёмного пролёта. Следы десятника темнели на влажном камне. Ладен шёл по ним, держа обмотанное копьё поперёк тела. За первой аркой следы стали глубже, будто человек нёс груз. За второй начали повторяться.

Один отпечаток со сбитым каблуком. Потом ровный. Потом снова со сбитым каблуком. Та же пара следов возникала у каждого третьего шва.

Ладен остановился. Впереди, у башенки, стоял Вейр. Высокий, без шапки, в коротком плаще. Он держался за перила и смотрел вниз.

Ладен поднял руку.

Десятник повернул голову. Лицо у него было серым, губы двигались. Расстояние между ними не превышало двадцати шагов, но слов Ладен не слышал.

Он пошёл к нему.

После десяти шагов Вейр остался в двадцати шагах. После двадцати — тоже.

Ладен оглянулся. Велесский въезд стоял совсем рядом, будто он не прошёл и одной арки. Таможенник курил у будки и не смотрел в его сторону.

Вейр поднял обе руки. Теперь его губы можно было прочесть.

«Не могу дойти».

Ладен положил копьё на камень и показал: брось пояс.

На поясе десятника висел меч.

Вейр покачал головой. Он крикнул что-то, но мост проглотил звук. Потом расстегнул плащ, достал сложенную бумагу и поднял над головой. Княжеский приказ. Ради него он вошёл до рассвета и принёс на мост оружие.

Ладен снова показал: брось меч.

Десятник прижал ладонь к рукояти. Его лицо исказилось. Он боялся не Ладена и не тумана — боялся оставить оружие на границе, где любой шаг считался службой.

Под пятой аркой ударила волна. Хотя море внизу оставалось спокойным, брызги взлетели выше парашута. На камень рядом с Ладеном упала красная нитка.

Та самая, которую он снял утром и спрятал в карман.

Он сунул руку в карман. Пусто.

Из-под арки поднялся голос. Не Неи. Не пропавшего десятника. Мужской голос был низким, медленным и незнакомым, но каждое слово прозвучало так близко, словно говорящий склонился к самому уху Ладена.

— Смотритель молчит. Вооружённый идёт. Договор исполнен.

Ладен замер.

Голос он потерял. Молчание сохранил. Значит, мост должен был держать Вейра столько, сколько потребуется.

Но впервые за двадцать лет службы тот, кто жил под арками, заговорил без вопроса.

На ратанском берегу ударил второй колокол. Ему ответил далёкий медный рёв со стороны велесской крепости. Не колокол — военный рог.

Вейр обернулся на звук. В тумане за ним проступили одинаковые тёмные силуэты. Сначала десять, потом двадцать, потом целый строй. Копья были зачехлены, но мост, в отличие от людей, не путал ножны с миром.

Ладен поднял дощечку и торопливо написал для тех, кто ещё не мог прочесть:

«НАЗАД».

Первый силуэт шагнул под арку.

Море вдохнуло.

Глава 2. Карта без середины

Первый копейщик дошёл до Вейра и прошёл сквозь него.

Ладен увидел это ясно: тёмное плечо заслонило десятника, на миг оба тела слились, затем солдат выступил вперёд, а Вейр остался у перил в двадцати шагах. Ни один из них не заметил другого. Строй двигался по своему мосту, десятник стоял на своём, Ладен — на третьем. Камень под ногами был один, но расстояния уже не соглашались между собой.

Он поднял дощечку над головой.

«НАЗАД».

Сотник впереди прочитал и махнул рукой. Копейщики остановились. Их было пока двенадцать; остальные тени теснились в тумане. Сотник носил короткую бороду и красный шарф велесской конницы, хотя пришёл пешим. Он снял перчатку, сложил ладони у рта и крикнул:

— По приказу княжеской палаты! Оружие зачехлено!

Ладен показал на Вейра и перечеркнул воздух рукой.

— Не слышу! — отозвался сотник.

Ладен тоже его почти не слышал, хотя между ними оставалось шагов тридцать. Голос приходил с опозданием, будто долго блуждал под арками.

Сотник приказал строю двигаться. Передний солдат сделал шаг. Каменная плита под сапогом повторилась впереди — тот же белый скол, та же полоска мха. Солдат наступил на неё второй раз, потом третий. Он остановился и устался под ноги.

— Не разбивать строй! — крикнул сотник.

Ладен хотел ответить, но из горла вышел сухой воздух. Тогда он положил дощечку на камень, вынул мел и написал: «БРОСЬТЕ ОРУЖИЕ. ВЫЙДЕТЕ».

Сотник прочитал. Даже издали было видно, как у него напряглась челюсть.

— Мы не бросаем княжеское железо по приказу мостового мастера.

Ладен приписал снизу: «ТОГДА СТОЙТЕ».

Вейр за спинами копейщиков продолжал беззвучно звать. Сотник не оборачивался. Для него десятника не существовало.

Со стороны Велеси раздался новый рог. Строй качнулся вперёд, но не продвинулся. Солдаты шли, проходили мимо одного и того же пятна мха и возвращались на прежнее место. Через несколько десятков шагов передний сбился с дыхания. Последний же всё ещё стоял одной ногой на берегу.

Ладен указал ему назад. Молодой солдат понял первым. Он попятился, вытолкнул соседа, задел древком парашют. Мешковина слетела с наконечника, блеснуло железо. Туман поднялся между ними плотной стеной.

Когда он опал, строй исчез.

На мосту остались Ладен и Вейр. Десятник стоял там же, сжимая меч. Из белизны доносились команды сотника: сохранять строй, не отступать, держать промежутки. Голос кружил над водой и возвращался с разных сторон.

Ладен подошёл к перилам. Под пятой аркой не было ничего, кроме тёмной воды. Он поднял красную нитку. На мокром камне она казалась жилкой.

— Ты принял, — без голоса произнёс он.

Проливник не ответил.

Ладен привязал нитку к перилам там, где нашёл, и направился к ратанскому берегу. Теперь путь был коротким. Семь арок прошли под ногами ровно за столько шагов, сколько положено. У въезда уже собралась половина Мглина.

Впереди стояла Нея. Она набросила овчинный жилет прямо поверх длинной домашней рубахи, волосы были собраны кое-как, в руке — багор из лодочной мастерской.

— Где солдаты? — спросила она.

Ладен показал за спину.

— Опять?

Он кивнул.

— Сколько?

Ладен раскрыл ладони дважды, потом поднял два пальца.

— Двадцать два?

Он покачал головой и показал десять десятков.

Шум в толпе стих. Люди Мглина знали, что вооружённый отряд может не выйти с моста. Не знали только почему. Старики помнили прошлую войну, когда в тумане исчезли две конные сотни, и рассказывали детям, будто море забрало всадников за дурные слова. Ладен не поправлял.

— Сто? — переспросила Нея. — С какого берега?

Он указал на Велесь.

— А ратанцы знают?

Ладен пожал плечами.

— Голос где потерял?

Он коснулся горла и показал на мост.

Нея сузила глаза.

— Ты опять сказал лишнее?

Ладен поднял один палец: почти.

— Когда-нибудь твоё «почти» оставит нас немymi всех сразу.

Толпа зашевелилась. Кто-то спросил, долго ли мост будет закрыт. Рыбаки требовали пропустить лодки под арками. Хозяйка постоялого двора хотела знать, кормить ли задержанных путников в долг. Ладен поднял руки, но без голоса не мог перекрычать даже чайку.

Нея ударила багром по въездной плите. Звон вышел громким.

— Мост закрыт до возвращения голоса смотрящего! — объявила она. — Телеги ставьте вдоль соляного склада. Пешие ночуют в старой парусной. За еду платите хозяевам, не князю и не туману. Лодки под арки не вести.

— Кто тебя старшей назначил? — крикнул рыбак Тово.

— Багор, — сказала Нея. — Есть возражения — найди длиннее.

Люди засмеялись, напряжение ослабло. Ладен благодарно коснулся её плеча.

— Не благодари, — буркнула сестра. — Мамка тебя убьёт. А если голос не вернётся, оживит и убьёт ещё раз.

Со стороны слободы протиснулась женщина с большим кожаным тубусом за спиной. Она шла быстро, не извиняясь, и люди уступали не потому, что знали её, а потому, что тубус задевал всех на уровне головы.

На вид ей было чуть больше тридцати. Тёмные волосы заплетены туго, плащ заляпан дорожной грязью до пояса. Через плечо висела сумка с медными угольниками, шнурами и складным измерительным колесом. Картографка, решил Ладен. Или сборщица дорожной пошлины с необычайно хорошими инструментами.

Она остановилась перед ним.

— Ладен Вежин?

Он кивнул.

— Яра Острец. Палата дорог Велеси. Мне нужен мост.

Нея встала между ними.

— Он занят. Там сотня ваших.

Яра посмотрела через её плечо на пустые арки.

— Тем лучше. Мне нужны люди внутри.

Ладен вынул дощечку. «ЗАЧЕМ?»

— Измерить расхождение.

«КАКОЕ?»

— Между тем, сколько мост имеет снаружи, и тем, сколько в нём проходят.

Нея прочитала надпись и фыркнула.

— Снаружи он от столба до столба. Внутри — от столба до столба. Плата пять медниц за телегу. Вот и всё измерение.

Яра сняла тубус, положила на парапет и развернула первый лист. Ветер едва не унёс его, но она прижала края грузиками. На бумаге был нарисован мост сверху: две береговые линии, семь арок, размеры между опорами. Поверх чёрных линий шли красные, и ни одна не совпадала с другой.

— Вчера мирный обоз прошёл четыреста восемьдесят два шага, — сказала Яра. — Позавчера почтовая тройка — семьсот девять. Рыбак с пустой корзиной — сто шестьдесят. Каменная длина между столбами — сто сорок четыре.

Нея наклонилась над картой.

— У людей шаг разный.

— Поэтому я мерила колесом. Результат тот же.

Ладен написал: «КТО РАЗРЕШИЛ?»

— Ваш отец.

Он поднял голову.

— Орин Вежин, — уточнила Яра. — Три года назад. Правда, когда увидел первые числа, велел мне уехать.

«ПОЧЕМУ ВЕРНУЛИСЬ?»

Яра достала второй лист. Это была не карта, а перечень имён и дат. Напротив каждого стояли время входа, груз, направление и время выхода. Внизу одно имя было обведено.

Северьян Острец.

Вошёл с велесской стороны девять месяцев назад. Груз: дорожный сундук, два измерительных колеса. Оружие: нет. Цель: съёмка ратанской дороги. Время выхода отсутствовало.

— Мой брат, — сказала Яра. — Он не вышел.

Нея выпрямилась.

— Если без оружия, значит, упал.

— Тела нет. Сундук нашли на ратанском берегу через шесть дней. Одно колесо пришло вместе с ним, второе — через месяц.

Ладен провёл пальцем по записи. Девять месяцев назад он лежал с горячкой, мост держал Орин. Отец не сказал ни о пропавшем картографе, ни о найденных вещах.

«СПРОСИТЬ ОРИНА».

— Спрашивала. Он ответил, что все мирные путники выходят.

Это была фраза из старого правила. Верная и бесполезная. Мост пропускал мирных путников. Но мог не признать мирной их цель. Мог разделить человека и груз. Мог исполнить слово так, как не предусматривал говорящий.

Яра развернула третий лист. На нём были только дуги и числа.

— Я продолжала измерять с берегов. Каждое утро отмечала положение середины по времени движения телег. Она меняется. Иногда лежит у подъёмного пролёта, иногда у второй арки. А три дня назад середины не было вовсе.

Нея постучала пальцем по бумаге.

— У всякой вещи есть середина.

— У вещи — да. У пути — не обязательно.

Ладен почувствовал, как под языком снова появился металлический привкус. Не наказание, лишь предупреждение. Яра подошла к истине с другой стороны — через числа, не через вопросы.

Он написал: «УХОДИТЕ».

— Нет.

«МОСТ ЗАКРЫТ».

— Для оружия. У меня угольники.

«ДЛЯ ВСЕХ».

Яра свернула карты не спеша.

— Тогда я поставлю колесо у въезда и буду измерять тех, кого вы выпустите.

«НИКОГО».

— Сто солдат будут идти вечно?

Ладен стёр доску и не написал ничего. В толпе снова поднялся шёпот. Теперь люди смотрели не на мост, а на него.

Нея взяла брата под локоть и отвела к сторожке.

— Ты не можешь молчать так, когда они уже считают шаги, — тихо сказала она.

Он показал на горло.

— Я не про голос. Ты молчал девять месяцев назад. Папка молчал. Теперь под арками сотня солдат и чей-то брат. Что будет дальше?

Ладен написал на стене мелом: «ЕСЛИ СКАЖУ — МОСТ НЕ УДЕРЖИТ ИХ».

Нея прочитала. Лицо у неё изменилось.

Это было ближе к полной тайне, чем он когда-либо позволял себе при ней. Он ждал боли, крови, исчезновения её голоса. Ничего не случилось. Наверное, потому, что фраза не называла, что именно удерживает мост и почему молчание имеет силу.

— Значит, держит потому, что ты не говоришь? — спросила Нея.

Медь обожгла язык. Ладен ударил ладонью по надписи, размазал мел и схватил сестру за запястье.

Поздно.

Нея открыла рот, чтобы возмутиться. Звука не было.

Она кашлянула. Воздух вышел бесшумно. Её пальцы сжались на багре.

Ладен почувствовал, как мир сузился до белого следа на стене. Нея не намекала. Она задала вопрос, собрав его слова в опасное целое. Но платил не тот, кто знал ответ. Платил тот, кто произнёс его форму.

Сестра коснулась горла. В глазах у неё было не столько испуга, сколько ярости.

Ладен написал: «ПРОСТИ».

Она выхватила мел. «НАСКОЛЬКО?»

Он показал: не знаю.

Нея сломала мел и швырнула обломки ему под ноги.

Яра наблюдала издали. Она не могла слышать их разговора, но увидела, как Нея пытается заговорить. Взяла карты и подошла.

— Это не первый раз, — сказала она.

Ладен заслонил сестру.

— У меня тринадцать записей о внезапной потере голоса в Мглине за два года. Все после разговоров о мосте. Четыре человека заговорили через сутки. Двое — через неделю. Об остальных мне не сказали.

Нея протянула руку. Яра дала ей карандаш. «КТО?» — написала сестра на обороте карты.

Картографка перечислила: пекарь Хром, вдова Лисена, двое грузчиков, мальчик из семьи канатчиков. Ладен знал всех. Каждый случай ему объяснили простудой, испугом или дурной шуткой. Отец повторял, что цена берётся редко и всегда возвращается.

Нея написала: «ХРОМ МОЛЧИТ ГОД».

Яра посмотрела на Ладена.

— Значит, не возвращается.

Он хотел возразить. Не мог ни голосом, ни честным жестом.

С моста донёсся крик. На этот раз настоящий. Из тумана выбежал солдат без копья, с сорванным красным шарфом на руке. Он пересёк последнюю арку, упал на колени перед въездной плитой и обхватил её обеими руками.

Толпа отшатнулась.

Ладен подбежал первым. Солдат был молод, едва старше двадцати. На ладонях кровоточили ссадины, сапоги стёрты так, словно он прошёл много вёрст.

— Не пускайте обратно, — прохрипел он. — Там всё время утро.

Ладен показал на его пояс. Ножны были пусты.

— Бросил, — понял солдат. — Копьё бросил, нож бросил, пряжку железную снял. Сотник велел считать изменником. Пусть.

Яра опустила рядом.

— Сколько ты шёл?

— До ночи.

— Сейчас утро.

Солдат посмотрел на солнце, поднявшееся лишь на две ладони над крышами.

— Там было темно. Потом опять светло. Мы проходили одну арку, а за ней та же. Вейр стоял за перилами. Я кричал ему, он не слышал.

— Ты видел ещё кого-нибудь? — спросила Яра. — Мужчину, тридцать лет, светлые волосы, дорожный синий плащ?

Солдат зажмурился.

— Там много людей.

Толпа ахнула.

— Сколько? — Яра схватила его за плечи. — Живых?

— Не знаю. Они проходят далеко. Некоторые совсем прозрачные. Один катил колесо и всё ругался, что оно считает один и тот же сажень.

Яра побледнела.

— Северьян.

Ладен поймал её за край плаща, когда она бросилась к въезду.

— Отпусти!

Он покачал головой.

— Он жив.

Ладен указал на солдата, потом на пустые ножны. Мирная цель. Без оружия. Только так можно было попробовать.

Яра поняла иначе.

— Я без оружия.

Он ткнул пальцем в её измерительное колесо и карты. Не оружие — цель. Брат вошёл измерять дорогу. Мост мог счесть спор за пространство разновидностью похода, а инструмент — знаком власти над путём. Ладен не мог объяснить этого, не показав слишком много.

Яра скинула тубус и сумку на землю.

— Теперь ничего.

Он снова удержал её.

— Что ещё?

Ладен написал на дощечке: «СКАЖИТЕ, ЗАЧЕМ ИДЁТЕ».

— За братом.

Он подчеркнул.

— Забрать брата домой.

Камень въездной плиты потеплел под его ладонью. Не обжёг — принял слова.

Нея без голоса встала рядом и крепко взяла Яру за другую руку. Потом написала на дощечке: «НЕ ОДНА».

Яра посмотрела на неё.

— Ты пойдёшь?

Нея кивнула.

Ладен перечеркнул надпись. Сестра только что потеряла голос из-за мостовой тайны. Он не пустит её под арки.

Нея вырвала руку Яры и написала крупно: «ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ЗАПРЕТИТЬ ВСЁ».

Ладен мог. У него были ключи, цепь и наследованное право закрыть въезд. Но за его спиной стоял молодой солдат, прошедший внутри неизвестно сколько часов. В тумане оставались сотник, десятки копеечников, Вейр и, возможно, Северьян Острец. Перед ним молчала сестра, заплатившая за вопрос, на который никто не согласился отвечать.

Яра подняла измерительное колесо.

— Я не пойду сейчас. Сначала покажу тебе кое-что.

Она разложила карту прямо на въездной плите и наложила друг на друга три прозрачных промасленных листа. На каждом красная линия обозначала путь отдельного человека. Линии извивались, расходились, возвращались. Но у всех был один общий излом у шестой арки.

— Здесь путники слышат голоса, — сказала Яра. — После этого длина меняется сильнее всего. Я думала, причина в страхе и неверном счёте. Теперь знаю: нет.

Она повернула верхний лист. Линии сошлись в фигуру, похожую на узел.

— Если мой брат до сих пор идёт, он не где-то далеко. Он каждый раз проходит рядом с этим местом. Рядом с нами. Карте не хватает середины, потому что середина занята.

Ладен всмотрелся в узел. Такого знака не было в отцовской книге, но он видел его каждое утро — в том, как туман втягивался под вторую арку и выходил из-под шестой. Семь вдохов, пауза, семь вдохов.

Нея прижала палец к узлу. Из-под камня ответил тихий стук.

Один раз. Потом второй. Потом семь раз подряд.

Яра опустила на колени и приложила ухо к въездной плите.

— Там колесо, — прошептала она.

Ладен тоже слышал: деревянный обод катился по камню, перескакивал через шов, через несколько мгновений снова попадал на тот же шов.

Круг за кругом.

Яра закрыла глаза.

— Он всё ещё измеряет.

Глава 3. Голос Неи

Нея всю дорогу домой стучала ногтем по дощечке.

Не писала — только стучала. Три быстрых удара, один медленный. Так она в детстве звала Ладена через стену, когда отец запирали их по разным комнатам за драку. Тогда Ладен отвечал тем же. Теперь он шёл на полшага позади и не решался поднять руку.

Яра осталась у сторожки. Она обещала не входить на мост, пока Ладен не вернётся, и произнесла обещание точно, без лазеек: не ступать на въездную плиту, не посылать вместо себя другого человека, не катить под арки измерительное колесо. Ладену не понравилось, как быстро она поняла необходимость перечислять обходы. Но спорить при Нее он не стал.

Мглин уже знал.

Рыбачки у сушильных рам замолкали, когда брат с сестрой проходили мимо. Медник вынес на порог кружку, будто собирался вылить воду, и держал её на весу до тех пор, пока они не свернули. У канатного сарая мальчишка раскрыл рот, передразнивая безголосый кашель, но получил затрепину от старшего и исчез между бухтами пеньки.

Нея остановилась.

Ладен приготовился удерживать её. Сестра не бросилась за мальчишкой. Она взяла мел и вывела на дощечке: «К ОБЕДУ СКАЖУТ, ЧТО Я САМА ВИНОВАТА».

Он написал под её строкой: «НЕ СКАЖУТ».

Нея посмотрела на него так, что он стёр ответ рукавом.

Дом Вежиных стоял на склоне над лодочными навесами. Его строили из старого корабельного леса: косяк в сенях выгибался, как шпангоут, половицы пахли смолой даже зимой, а ставни отец подвесил на петлях, снятых с первой мостовой сторожки. Вельда сидела у окна и перебирала сушёную морскую капусту для похлёбки. Увидев детей, она сразу отложила нож.

— Почему оба?

Нея шагнула к столу и попыталась сказать: «Мама».

Воздух едва слышно прошёл между губами.

Вельда не вскрикнула. Она подхватила дочь под локти, посадила на лавку и заглянула ей в рот, как делала при ангине. Попросила высунуть язык, ощупала шею, поднесла к губам начищенную ложку. Серебристая поверхность затуманилась от дыхания.

— Дышит. Глотать можешь?

Нея кивнула.

— Болит?

Покачала головой.

Тогда Вельда повернулась к Ладену.

— Где?

Он показал вниз, в сторону моста.

— Я вижу, откуда вы пришли. Где именно?

Ладен начертил в воздухе прямоугольник сторожки, потом ткнул в горло.

Мать ударила ладонью по столу.

— Доску возьми. Я не буду разгадывать тебя в собственном доме.

Он написал: «У СТОРОЖКИ. НЕЯ СПРОСИЛА О МОЛЧАНИИ».

Вельда прочитала, перевела взгляд на дочь и медленно села напротив.

— Какими словами?

Нея забрала мел. «ЗНАЧИТ, ДЕРЖИТ ПОТОМУ, ЧТО ТЫ НЕ ГОВОРИШЬ?»

Последний вопросительный знак она продавила так сильно, что мел раскрошился.

Вельда закрыла глаза. Ладен ждал, что она обнимет Нею или хотя бы возьмёт за руку. Мать вместо этого встала, подошла к печи и сняла с гвоздя железные щипцы.

— Где отец?

Ладен указал на верхнюю дорогу. По утрам Орин обходил сборщиков пошлины и возвращался к полудню.

— Найди.

Он остался на месте.

— Найди его, — повторила Вельда. — И если решишь по пути ещё кого-нибудь спасти молчанием, сначала подумай, кому достанется твоя цена.

Нея резко повернулась к матери. «ТЫ ЗНАЛА?»

Вельда не ответила. Она сунула щипцы в жар, дождалась, когда концы потемнеют, и бросила на них щепоть соли. Соль затрещала. Потом мать поднесла тёплый металл к горлу Неи, не касаясь кожи, и велела дочери выдохнуть на него семь раз.

Ладен видел этот способ один раз, когда лишился голоса в семнадцать лет. Отец тогда сказал, что железо вытянет мостовой холод. Голос вернулся к рассвету, и Ладен поверил.

Теперь он заметил другое. Вельда считала выдохи не до семи, а до шести. На последнем отвела щипцы в сторону, будто боялась закончить мостовое число.

Ничего не произошло.

— Ещё раз, — сказала мать.

Нея оттолкнула её руку и написала: «ТЫ ЗНАЛА?»

— Я знала, что такое бывает.

«С КЕМ?»

— С теми, кто говорит близко к запретному.

«ХРОМ МОЛЧИТ ГОД».

Вельда посмотрела на Ладена. Он понял: о пекаре мать тоже знала.

Нея написала имена, которые назвала Яра: Лисена, грузчики, мальчик канатчика. Рядом поставила сроки — сутки, неделя, год, не вернулся. Доски не хватило; последние буквы полезли на рамку.

— Кто тебе дал этот список? — спросила Вельда.

«ЯРА ОСТРЕЦ».

— Велесская картографка?

Нея кивнула.

Мать взяла тряпицу и хотела стереть имена. Нея прижала доску к груди.

— В доме держать не надо, — сказала Вельда. — И на улице не показывай.

Дочь беззвучно рассмеялась. Плечи дрогнули, рот открылся, но вместо смеха получился слабый свист дыхания. От этого Вельда побледнела сильнее, чем при виде первой надписи.

«ВОТ И УДОБНО», — написала Нея. «НЕ РАССКАЖУ».

Ладен протянул руку к мелу. Сестра отдёрнула доску.

— Иди за отцом, — сказала мать.

На этот раз Ладен вышел.

Он нашёл Орина у соляного склада. Отец стоял перед приказчиком, держа раскрытую пошлинную книгу, и доказывал, что бочки с песком нельзя проводить как пустые. Говорил он громко, с удовольствием, растягивая слова. За четыре года после передачи ключей Орин не научился быть бывшим зрителем. Он приходил к мосту без спроса, проверял записи сына и поправлял цепь, даже если та лежала ровно.

Ладен положил ладонь на книгу.

— Убери, — сказал Орин. — Я занят.

Ладен не убрал.

Отец всмотрелся в его лицо.

— Опять?

Ладен кивнул, затем показал на дом.

— К вечеру вернётся. У тебя всегда возвращался.

Ладен ткнул пальцем сначала в сторону дома, потом поднял два пальца: не он, Нея.

Орин захлопнул книгу.

До дома они шли быстро. Отец ни о чём не спрашивал. Только у самого крыльца остановился и взял Ладена за плечо.

— Она сказала целиком?

Ладен покачал головой.

— Сколько слов?

Он показал десять пальцев, потом ещё два.

— Вопросом?

Кивок.

Орин выдохнул с облегчением.

— Тогда ненадолго.

Ладен схватил его за рукав и написал на стене угольком: «ПОЧЕМУ ПЛАТИТ ОНА?»

Отец стёр надпись голой ладонью.

— Потому что слышали её.

«КТО?»

— Не здесь.

Ладен обвёл рукой пустой двор.

— Камень начинается не у въездной плиты.

Орин вошёл в дом. Нея сидела у стола, перед ней стояли кружка тёплой воды, блюдо с мёдом, миска с горячими камнями и горшок, над которым поднимался пар. Мать успела попробовать всё, чем в Мглине лечили осипшее горло.

Отец положил пальцы дочери на шею и попросил выдохнуть. Потом прижал ухо к её груди.

— До отлива пройдёт.

Нея написала: «А ЕСЛИ НЕТ?»

— Пройдёт.

«У ХРОМА НЕ ПРОШЛО».

Орин бросил взгляд на Вельду.

— Хром сказал больше, чем надо.

Нея подалась вперёд. «ЧТО?»

— Не спрашивай.

Она резко встала. Лавка опрокинулась. В детстве Нея злилась шумно: хлопала дверьми, била ложками по котелкам, однажды сбросила в колодец отцовскую шапку. Без голоса её ярость стала точнее. Она подняла лавку, аккуратно поставила на место, пододвинула отцу дощечку и вывела медленно: **«КТО РЕШИЛ, ЧТО МОЙ ГОЛОС — ПЛАТА?»**

Орин прочёл и посмотрел не на неё, а на сына.

Ладен понял этот взгляд. Отец хотел, чтобы действующий зритель остановил вопрос. Запретил. Спрятал доску. Сделал то, что делали до него.

Ладен сел рядом с сестрой.

Орин потёр переносицу.

— Никто не решал про твой голос отдельно. Таково условие.

Медь коснулась языка Ладена, хотя говорил не он. Нея почувствовала что-то тоже: сглотнула и прижала ладонь к губам.

Отец поднял указательный палец.

— Довольно.

Нея написала: «УСЛОВИЕ КОГО?»

Орин перевернул доску надписью вниз.

— Ты хочешь остаться без голоса дольше?

Она снова перевернула её. «Я УЖЕ БЕЗ НЕГО».

— Пока что.

«ЗНАЧИТ, БОЯТЬСЯ НЕЧЕГО».

Вельда с силой поставила кружку на стол.

— Есть чего. Можно потерять не только голос.

Тишина в доме изменилась. За стеной скрипел блок лодочного навеса, на крыше чайка роняла ракушку, в печи осыпался уголь. Каждый звук стал отдельным и слишком ясным.

Нея повернула доску к матери.

«ЧТО ЕЩЁ?»

Вельда сжала губы.

— Я сказала лишнее.

Ладен впервые подумал, что все их семейные правила устроены одинаково. Отец запрещал вопрос. Мать проговаривалась настолько, чтобы напугать, а затем запрещала следующий. Дети должны были жить между обрывками фраз и считать это знанием.

Он взял вторую дощечку — старую, для кухонных счетов — и написал отцу: «МОЙ НАМЁК. ЕЁ ВОПРОС. ЦЕНА ЕЙ. ПОЧЕМУ?»

Орин долго не отвечал.

— Потому что твой намёк не был законченным высказыванием. Её вопрос закончил его.

Ладен дописал: «ЕСЛИ БЫ СПРОСИЛ ДРУГОЙ?»

— Заплатил бы другой.

«РЕБЁНОК?»

— Не важно.

«ЧУЖАК?»

— Не важно.

«ТОТ, КТО НЕ ЗНАЕТ?»

Орин отвёл глаза.

Ответ оказался хуже прямого признания. Мост не требовал согласия, не отличал посвящённого от случайного человека. Достаточно было собрать опасный смысл и дать ему голос. Смотритель мог подвести любого к последнему слову и остаться цел.

Ладен вспомнил Мару Шестову. «Почему мост не любит железо?» — спросила она утром. Он ответил: «Не отвечайте ему». Что, если бы она продолжила? Что, если бы возчик или ребёнок в обозе догадался? Сам Ладен потерял голос за предупреждение, но, возможно, лишь потому, что произнёс его вслух. Не потому, что был смотрителем.

Нея внимательно следила за его лицом. Потом написала: «ТЫ НЕ ЗНАЛ».

Это не было вопросом.

Он покачал головой.

Отец встал.

— Знал достаточно.

Ладен загородил ему дорогу и показал на доску.

— Я учил тебя сохранять мост, — сказал Орин. — Не препираться с условием.

Ладен написал: «ТЫ ГОВОРИЛ, ПЛАТИТ СМОТРИТЕЛЬ».

— Чаще всего платит смотритель.

«ТЫ ЛГАЛ».

— Я давал тебе правило, с которым можно работать. Если бы ты с юности боялся каждого чужого слова, то продержался бы у ключей неделю.

Нея ударила ладонью по столу и указала на себя.

— Я вижу, — сказал отец. — Я не хотел этого.

Она написала: «НО ДОПУСКАЛ».

Орин не ответил.

Снаружи кто-то постучал. Все четверо замерли. Вельда перевернула обе дощечки и накрыла их полотенцем. Ладен открыл дверь.

На крыльце стояла Лисена — та самая вдова из списка Яры. Невысокая, в шерстяном платке, хотя день был тёплым. В руках она держала кувшин.

— Услышала про Нею, — сказала она. — Принесла отвар семян. Мне помог.

Голос у неё был хриплый, с провалами. Некоторые согласные исчезали, будто она говорила через дырявую ткань.

Вельда взяла кувшин.

— Спасибо. Не стоило.

— Стоило.

Лисена посмотрела на Нею и коснулась своего горла. Потом подняла один палец, другой, третий. Семь.

— Семь дней? — спросила Нея одними губами.

Вдова кивнула.

Орин шагнул к двери.

— Ей вернётся раньше.

Лисена увидела его и съёжилась. Не от уважения — от страха. Ладен раньше не замечал этого или принимал за почтение к старому зрителю.

— Конечно, — сказала вдова. — Я только отвар.

Она повернулась уходить. Нея догнала её, схватила за рукав и показала на дощечку. «**ЧТО ВЫ СКАЗАЛИ?**»

Лисена прочла. Лицо её стало серым.

— Не помню.

Орин коротко усмехнулся.

— Вот и правильно.

Нея не отпустила рукав.

— Не помню, — повторила Лисена уже тише. — Спросила мужа, почему под мостом зовут его голосом, если он утонул за два года до того. Только и всего. Я не знала, что этого нельзя.

Ладен почувствовал холод между лопаток. Вопрос вдовы не касался назначения моста. Он касался голосов. Значит, запрет был шире, чем отец показывал ему в книге.

— Через семь дней заговорила, — продолжила Лисена. — Но не совсем. Слышите сами. Старый зритель велел никому не рассказывать, иначе отнимется опять.

Орин скрестил руки.

— И не отнялось же.

— Потому что молчала.

Вдова сказала это и вдруг рассмеялась — коротко, без веселья.

— Забавно. Чтобы сохранить половину голоса, я должна делать вид, что не теряла целого.

Она высвободила рукав и ушла вниз по тропе.

Вельда закрыла дверь.

Нея написала: «ТРИЛЕТА МОЛЧАЛА?»

Мать кивнула.

«ВЫ ВСЕ ЗНАЛИ?»

— Не обо всех, — сказала Вельда.

«НО МОЛЧАЛИ».

Орин взял со стола полотенце и аккуратно сложил, открывая доски.

— Если сейчас начнёте спрашивать каждого, кто что потерял и после каких слов, слобода к вечеру останется немой.

Ладен написал: «А ЕСЛИ НЕ СПРАШИВАТЬ?»

— Мост останется мостом.

«А ЛЮДИ?»

— Люди останутся живы. Ты видел велесскую сотню. Без нашей защиты они уже были бы на ратанском берегу.

Это был сильный довод. Отец всегда выбирал такие: не те, что оправдывали сделанное, а те, после которых стыдно требовать перемен. Сто копейщиков шли под арками круг за кругом. Пока мост держал их, Мглин не горел. Цена Неи рядом с пожаром казалась малой. Цена Лисены, Хрома, мальчика канатчика — тоже.

Но мост не спрашивал, согласны ли они платить.

Нея забрала кухонную дощечку и написала: «Я ПОЙДУ К ХРОМУ».

— Нет, — одновременно сказали Орин и Вельда.

Она указала на себя, затем на дверь.

Отец встал перед ней.

— Ты останешься дома до отлива.

Нея попыталась отодвинуть его. Орин удержал её за плечи. Ладен разжал отцовские пальцы.

— Не вмешивайся, — сказал Орин.

Ладен встал между ними.

— Ты ещё смотритель?

Он кивнул.

— Тогда води себя как смотритель. На мосту солдаты. У сторожки чужая картографка.

А ты притащил опасный разговор домой и позволяешь сестре разносить его по слободе.

Ладен написал на дощечке одно слово: «ПОЗВОЛЯЮ».

Отец прочёл дважды.

— Ты не понимаешь, что делаешь.

Ладен дописал: «ПОЭТОМУ УЗНАЮ».

Он взял Нею за руку и открыл дверь.

Вельда окликнула их:

— Погодите.

Мать сняла с шеи тонкий кожаный шнурок. На нём висело бронзовое кольцо, истёртое до плоской полосы. Ладен видел его много лет и считал обломком рыбацкой застёжки.

Вельда протянула кольцо Нее.

— Держи под языком, если почувствуешь медь.

Орин резко повернулся.

— Откуда оно у тебя?

— Ты подарил. Забыл?

— Я подарил целое.

— Остальное истратилось.

Вельда встретила взгляд мужа спокойно. Впервые за утро Орин не нашёл ответа.

На улице Нея остановилась и показала брату кольцо. На внутренней стороне шли семь насечек. Шесть были стёрты, одна оставалась глубокой.

Ладен жестом спросил: что это?

Нея написала: «ДОМА УЗНАЕМ ПОЗЖЕ».

У пекарни Хрома очередь тянулась до водосборной бочки. Сам Хром стоял за прилавком, широкий, седой, с красным от жара лицом. Он молчал уже год, но дело не бросил. Покупа-

тели показывали пальцами число буханок, он отвечал деревянными жетонами с выжженными ценами.

Увидев Нею, пекарь прекратил резать каравай.

Она коснулась горла.

Хром кивнул без удивления, словно ждал её.

Нея положила на прилавок дощечку. «ЧТО ВЫ СКАЗАЛИ?»

Пекарь прочёл, отложил нож и перевернул вывеску на двери. Очередь заворчала. Хром показал всем раскрытую ладонь: закрыто. Никто не спорил долго. Через минуту в пекарне остались только трое — Ладен, Нея и хозяин.

Хром вытащил из-под прилавка мешочек с мукой и рассыпал её тонким слоем по доске. Пальцем написал: «СПРОСИЛ, КТО ПЛАТИТ».

Нея: «КОГО?»

«ОРИНА».

Ладен опёрся ладонями о прилавок.

Хром продолжил: «ОН СКАЗАЛ: ТЕ, КТО ГОВОРИТ. Я СПРОСИЛ: А ТЕ, КТО МОЛЧИТ? И ПОТЕРЯЛ ГОЛОС».

Нея быстро написала: «ЭТО ВСЁ?»

Пекарь кивнул.

Ладен ждал металлического привкуса. Во рту оставался только запах свежей корки. Рассказ о прежнем вопросе не повторял сам опасный смысл — или мост уже взял плату за эту связку слов и не брал дважды.

Он написал в муке: «ПОЧЕМУ НЕ ВЕРНУЛСЯ?»

Хром пожал плечами, затем вывел: «СКАЗАЛИ ЖДАТЬ. ГОД ЖДУ».

Нея стиснула мел. «ЕЩЁ КТО?»

Пекарь перечислил семерых. Двоих не было в списке Яры: лодочник Кавр и девочка Рута, дочь сборщика мидий. Рута заговорила через три дня. Кавр после потери голоса ушёл на ратанский берег и не вернулся.

Ладен переписал имена. Его рука дрожала не от страха, а от счёта. Тринадцать записей Яры, семеро Хрома, совпадали только пятеро. Не меньше пятнадцати человек за два года. Если добавить годы отцовской службы, счёт мог идти на сотни.

Нея написала пекарю: «К ОТЛИВУ СОБЕРЁМ ВСЕХ».

Хром поднял брови.

«У МОСТА».

Ладен схватил мел и перечеркнул последнюю строку. Нея вырвала его из пальцев.

Он показал на горло Хрома, на неё, затем на воображаемую толпу. Один неверный вопрос — и плата пойдёт по людям.

Нея задумалась. Потом стёрла «у моста» и написала: «У СОЛЯНОГО САРАЯ. БЕЗ ВОПРОСОВ. КАЖДЫЙ ПИШЕТ».

Хром ударил по прилавку ладонью в знак согласия.

Ладен покачал головой. Он должен был вернуться к солдатам, проверить цепи, не пустить Яру к въезду. Но если оставить Нею одну, она соберёт слободу без него. И будет права: голос у неё отняли не на мосту, а у сторожки; Хром потерял свой в разговоре с Орином. Опасной была не близость к аркам, а смысл.

С улицы донёсся звон. Один удар в малый береговой колокол — посыльный от моста.

Ладен вышел. По склону бежал мальчик из сторожки, размахивая красной тряпкой.

— Смотритель! Велесцы опять пошли! И с ратанской стороны знамёна!

Нея появилась в дверях пекарни.

Ладен показал ей: домой.

Она ответила жестом: нет.

Он указал на мост, потом на себя. Это моя работа.

Нея подняла дощечку. На ней было написано: «А ГОЛОС — МОЙ».

Спорить времени не осталось. Они побежали вместе.

У сторожки Яра держала обещание. Стояла в двух шагах от въездной плиты, измерительное колесо лежало рядом. Солдаты под арками двигались сквозь туман красными тенями. На дальнем берегу теснился новый велесский отряд. На ближнем, ратанском, поднимали чёрно-жёлтые знамёна — люди княжеского пристава Боруна.

Между берегами мост гудел, как натянутая струна.

Яра встретила Ладена словами:

— Ваш отец был здесь.

Он невольно оглянулся. Орин стоял у въезда, запыхавшийся, злой. Пришёл другой дорогой.

— Я велел картографке уходить, — сказал он. — Она не слушает.

— Потому что он больше не смотритель, — ответила Яра.

Нея встала рядом с Ладеном. Орин увидел муку на её рукаве и понял, где они были.

— Вы говорили с Хромом.

Нея кивнула.

— Дурочка.

Она шагнула к отцу, но Ладен удержал её. Не ради Орина — ради края плиты. Камень под сапогами уже нагревался.

Из тумана донёсся чужой голос. На этот раз он звал Нею голосом матери:

— Дочка, скажи хоть слово.

Нея вздрогнула.

Ладен закрыл ей рот ладонью, хотя знал: ответить она не сможет. Под арками тихо засмеялись.

Проливник заговорил из всех арок сразу:

— Голос принят. Договор исполнен.

Орин побледнел.

Ладен убрал ладонь от лица сестры и повернулся к мосту. В груди поднималась такая ярость, что ему стало трудно дышать. Он не мог спросить духа, за что принят голос. Не мог назвать условие. Но мог требовать буквального ответа на безопасное действие.

Он написал на дощечке крупно: «КОГДА ВЕРНЁШЬ?» — и поднял над головой.

— Внесённое возвращается после выплаты, — ответил Проливник.

Орин бросился к сыну и опустил доску.

— Не продолжай.

Ладен оттолкнул его. Стер «когда» и написал: «КАКАЯ ВЫПЛАТА?»

Медь ударила в рот так сильно, что он согнулся. На язык выступила кровь. Нея схватила его за плечо, Яра — за другую руку.

Дух молчал.

Из глубины моста отвечал только стук измерительного колеса Северьяна: круг, шов, круг, шов.

Орин вырвал дощечку и швырнул в канаву.

— Хочешь отдать ему всю слободу одним вопросом?

Ладен выплюнул кровь на камень. Голос к нему ещё не вернулся, зато мысль стала ясной.

Отец знал о выплате. Мать знала о бронзовом кольце, которое истиралось от защиты. Каждый потерявший голос знал свой обрывок. Тайна держалась не потому, что никто не понимал её, а потому, что знания были разделены между людьми и каждый боялся произнести своё рядом с чужим.

Нея достала материнское кольцо и положила под язык.

Глубокая седьмая насечка засветилась тускло-зелёным. Бронза размягчилась, как воск. Нея закашлялась и выплюнула кольцо на ладонь. Последняя насечка исчезла.

— Ла...

Звук был слабым, сорванным, но это был звук.

Нея прижала пальцы к горлу.

— Ладен.

Её голос вернулся всего на одно слово. Потом губы снова шевельнулись беззвучно.

Проливник прошелестел под арками:

— Час внесён. Долг уменьшен.

Орин закрыл лицо руками.

Вельда истратила шесть насечек. Шесть часов — или шесть чужих голосов, или шесть случаев, о которых никогда не рассказала. Сейчас последняя насечка купила Нее одно слово и уменьшила не названный долг.

Нея подняла расплющенное кольцо. На её ладони остался зелёный след.

Яра смотрела на него как картограф на найденную отметку.

— Час чего? — спросила она.

Ладен успел ударить её по руке прежде, чем вопрос сложился дальше. Картографка прикусила губу и кивнула: поняла.

На ратанском берегу снова ударили в колокол. Боруновы люди требовали открыть проезд. Велесцы отвечали рожками. Две стороны ещё не видели друг друга сквозь туман, но мост уже сводил их голоса в один гул.

Ладен поднял из канавы дощечку и написал три строки.

«К ОТЛИВУ — СОЛЯНОЙ САРАЙ».

«КАЖДЫЙ ПИШЕТ, ЧТО ПОТЕРЯЛ».

«НИКТО НЕ СПРАШИВАЕТ ПОЧЕМУ».

Он показал их Нее.

Сестра прочла и впервые после потери голоса посмотрела на него без ярости. Не простила — просто согласилась идти рядом.

Орин заглянул через плечо.

— Это уже было, — тихо сказал он. — Сбор к отливу. Вы думаете, что нашли выход, а вы только повторяете начало.

Ладен повернулся к нему.

Отец больше ничего не сказал.

Под шестой аркой простучало колесо. Семь раз подряд, пауза, ещё семь. А с моря туман полз в Мглин, будто хотел первым попасть на собрание.

Глава 4. Дань к отливу

К отливу соляной сарай был полон молчанием.

Не тем, которое люди соблюдают из вежливости или страха помешать говорящему. Жители Мглина входили, видели на дверях написанное Неей правило и сами прижимали палец к губам. На длинном столе лежали обломки грифелей, уголь, мел, кусочки старых накладных. Кто не умел писать, рисовал предмет или приводил грамотного соседа.

Ладен стоял у двери и считал вошедших. Хром. Лисена. Канатчик с сыном. Двое грузчиков. Рута с матерью. Медник. Рыбачка в синем платке. Потом люди, которых не было ни в одном списке.

Тридцать семь человек.

Нея сидела за весовым столом и принимала записки. Голос к ней не вернулся после единственного слова, купленного бронзовым кольцом. Зелёный след на ладони побледнел, но не исчез.

Яра разлиновала большой лист на три части: когда пропал голос, после каких слов, когда и насколько вернулся. Она не задавала вопросов. Если запись была неясной, показывала на нужное место и ждала, пока человек сам дополнит.

Орин стоял снаружи.

Он не вошёл, но и не ушёл. Через щель между досками Ладен видел его плечо и седой затылок. Отец разговаривал с каждым, кто направлялся к сараю. Одних уговаривал вернуться, другим напоминал о детях, улове или долге. Люди выслушивали и всё равно входили.

Вельда пришла последней. Положила перед Неей деревянную коробку.

Внутри лежали шесть бронзовых колец, истёртых почти до проволоки.

Нея подняла глаза.

Мать написала: «НЕ МОИ. ОСТАВЛЯЛИ НА ХРАНЕНИЕ».

Ладен взял одно кольцо. На внутренней стороне едва различались семь насечек. Все стёрты.

Яра придвинула лист.

Вельда долго держала уголь над бумагой. Потом вывела: «СЕМЬ ЧАСОВ ТИШИНЫ. ОДИН ГОЛОС НА ЧАС. ИЛИ ОДИН ЧАС ВСЕЙ СЛОБОДЫ».

По сараю прокатился шорох. Люди не заговорили, но придвинулись к столу.

Ладен прочёл дважды. Семь часов. Проливник сказал, что час внесён. Последняя насечка была одним часом.

Он написал рядом: «КОМУ ПЛАТЯТ?»

Вельда перечеркнула вопрос и показала на дверное правило.

Никаких вопросов.

Ладен исправил: «НА КОЛЬЦАХ СОБИРАЛИ МОЛЧАНИЕ».

Мать кивнула.

«КАК?»

Она снова перечеркнула.

Нея тронула её за рукав и написала утверждение: «ТЫ ПОКАЖЕШЬ».

Вельда посмотрела на Орина за стеной. Затем достала из коробки пустое кольцо, положила на стол и попросила жестом семь свечей. Хром принёс огарки из пекарни. Их поставили кругом, хотя солнце ещё светило сквозь щели.

Мать указала каждому выбрать одну свечу и молчать, пока та не догорит до зарубки. Семь человек на час — или все жители на меньший срок. Никто не должен произносить ни слова, отвечать мостовым голосам, петь, свистеть или читать вслух. Молчание следовало отдать добровольно и знать, ради чего оно отдано.

Яра записала последнее условие.

Вельда вырвала у неё уголь и зачеркнула слова «ради чего». Ниже написала: «РАДИ ВОЗВРАТА ВЗЯТОГО».

Ладен почувствовал медь на языке. Формулировка подошла близко, но не перешла черту.

Нея показала на себя.

Хром — на себя.

Один за другим руки подняли все, кто потерял голос полностью или частично. Потом их близкие. Рыбаки у стены переглянулись и тоже подняли руки.

Ладен не поднял. Он написал: «МОСТ».

Вельда поняла. Если вся слобода замолчит, кто остановит отряды, даст команду поднять пролёт, предупредит о приливе?

Яра ответила письменно: «ЗНАКИ».

За четверть часа они придумали семь. Красная тряпка — вооружённые входят. Белая — мирный путник. Два удара в малый колокол — закрыть въезд. Три — поднять пролёт. Медный таз на крыше — пожар. Чёрный флаг — человек пропал в петле. Голая рука над головой — немедленная опасность.

Орин вошёл, когда список прибывали к стене.

— Колокол — тоже голос, — сказал он.

Все повернулись к нему.

— Вы собираетесь платить тишиной и оставляете колокол. Он нарушит сбор.

Ладен добавил к списку: колокол не использовать.

Орин подошёл к столу и увидел кольца.

— Вельда.

— Они всё равно нашли бы.

— Не нашли бы, если бы ты не принесла.

Мать закрыла коробку.

— Тогда Нея ждала бы год, как Хром.

Хром ударил себя кулаком в грудь.

— Не о нём речь, — сказал Орин.

Пекарь шагнул к бывшему смотрителю. Ладен встал между ними.

Отец обвёл людей взглядом.

— Вы думаете, отдадите семь часов и получите всё назад. Нет. Дань возвращает столько, сколько сочтено внесённым. Не столько, сколько вы потеряли.

Лисена написала на клочке: «КЕМ СОЧТЕНО?»

Орин не прочёл вслух.

— Вы знаете кем.

Она перечеркнула слова и написала: «НЕ ЗНАЕМ».

Другие закивали.

Вот в чём была сила отцовского порядка: каждый знал достаточно, чтобы бояться, но недостаточно, чтобы назвать виновного даже про себя. Проливник оставался голосом под арками, мост — камнем, потеря — несчастьем. Связь между ними хранили смотрители.

Ладен написал на большом листе: «СЕГОДНЯ МОЛЧИМ С ПОЛУДНЯ ДО ОТЛИВА. ДОБРОВОЛЬНО. РАДИ ВОЗВРАТА ВЗЯТОГО».

Подав уголь Нее.

Она поставила крест.

За ней расписались или отметились все тридцать семь. Орин не стал.

Когда солнце коснулось верхушки сторожевой сосны, молчание началось.

Оно оказалось труднее, чем обещание в сарае. На улице люди забывались. Рыбак окликнул напарника и замер с открытым ртом. Женщина у колодца вскрикнула, когда ведро ударило её по пальцам. Оба прибежали к Вельде, уверенные, что испортили весь сбор.

Она записала время, вычеркнула их имена и велела остальным продолжать.

Ладен вернулся к мосту. Нея пошла с ним, не спрашивая разрешения. Яра катила колесо до сторожки, затем оставила у стены.

На ратанском берегу Борун выстроил сорок пеших. Его чёрно-жёлтое знамя хлопало на ветру. Пристав был крупным человеком с короткой седой бородой и плащом, застёгнутым серебряной головой волка. Он подошёл к цепи и потребовал смотрителя.

Ладен вышел.

— Открывай.

Он указал на объявление о молчании.

Борун прочёл и хмыкнул.

— Слобода решила поиграть в монастырь?

Ладен показал служебную дощечку: «МОСТ ЗАКРЫТ. ВПЕРЕДИ ВООРУЖЁННЫЕ».

— Велесские?

Кивок.

— Сколько?

Ладен написал число.

Пристав улыбнулся.

— Тем более открывай. Раз они застряли, мы возьмём их без боя.

Ладен подчеркнул слово «закрыт».

— У меня княжеский приказ.

Борун достал свиток с алой печатью. Ладен не взял. Пристав развернул его сам и начал читать вслух.

С первым словом кольца в коробке Вельды, оставленной у въездной плиты, тихо звякнули.

Нея бросилась к Боруну и накрыла свиток ладонью.

— Ты что творишь?

Она показала на объявление.

— Это ваш обет, не мой.

Ладен написал: «ЗВУК У МОСТА МОЖЕТ БЫТЬ ПРИНЯТ».

Он не уточнил кем и за что. Борун прищурился.

— Ты угрожаешь княжескому приставу камнями?

Ладен покачал головой и показал на туман. Из него доносился размеренный топот велесской сотни.

— Тогда пропусти моих людей. Они разоружат велесцев.

Ладен поднял перед его лицом красную тряпку и указал на петлю. Вооружённые входят — вооружённые не выходят.

Борун свернул приказ.

— К вечеру я поставлю свою стражу у цепи. Если не заговоришь, решу, что ты отказался служить Ратани.

Он ушёл к отряду. Ладен отметил на доске время и слова. Яра прочла через плечо, но ничего не добавила.

Первые два часа прошли спокойно. Жители работали знаками. В рыбном ряду цены писали углём на столах. Дети превратили молчание в игру и бегали, показывая друг другу нелепые рожи. Даже чайки словно кричали тише, хотя Ладен понимал, что это только кажется.

Потом мост начал звать.

Каждого своим голосом.

Ладен услышал Нею — здоровую, сердитую:

— Брат, я под шестой аркой.

Нея слышала что-то другое. По её лицу он понял: мать. Яра побледнела, когда из тумана позвал Северьян.

— Яра, я нашёл середину. Ответь, чтобы я повернул.

Картографка зажала рот обеими руками.

Голоса пошли в слободу. Мёртвые мужья звали вдов, ушедшие моряки — матерей, дети — родителей. Они не просили много. Только ответить. Подтвердить, что слышишь. Назвать имя.

Хром вынес из пекарни железный противень и бил ложкой по краю, пока не вспомнил, что звон тоже нарушает тишину. Тогда он поднял над головой объявление и пошёл по улицам. На листе было написано: «НЕ ОТВЕЧАТЬ».

У канатного сарая женщина не выдержала.

— Тиша!

Имя прокатилось по склону. Туман под мостом втянулся, как при вдохе. Одно из пустых колец в коробке покрылось первой тонкой насечкой, но тут же потемнело.

Вельда записала имя женщины и время. Сбор продолжался, однако теперь люди поняли: мост не просто принимает их молчание. Он испытывает его голосами тех, ради кого труднее всего молчать.

Яра написала Ладену: «СЕВЕРЬЯН ЗНАЕТ, ЧТО Я ИЩУ СЕРЕДИНУ».

Он ответил: «ГОЛОС ЗНАЕТ».

«ЗНАЧИТ, СЛЫШИТ НАС?»

Ладен перечеркнул вопросительный знак. Яра сжала зубы и переделала: «ГОЛОС СЛЫШИТ НАС».

Это утверждение не вызвало меди. Опасной была не вся правда о мосте, а определённая связка назначения, молчания и платы.

К четвёртому часу к цепи вышел велесский солдат. Не тот молодой, который спасся утром, а пожилой десятник в одной рубаше. Он нёс на вытянутых руках перевязь, нож, пряжку и наконечник копья.

Дошёл до въездной плиты, высыпал железо и упал.

Ладен и Нея подхватили его. Десятник шевелил губами, но голоса не было.

На его груди углём было написано: «Я СЛОЖИЛ ОРУЖИЕ».

Яра дала ему воды. Тот выпил, указал в туман и поднял четыре пальца, потом развёл руки широко.

Четыре отряда? Четыре дня? Четыре сотни шагов?

Ладен подал дощечку.

Солдат написал: «ЧЕТЫРЕ УТРА. ОНИ СЛЫШАТ ПРИКАЗ И ИДУТ СНОВА».

Для него внутри прошло четыре дня. Снаружи — меньше половины одного.

Ниже он добавил: «СОТНИК НЕ ДАЁТ БРОСАТЬ КОПЬЯ. ГОВОРIT, МОСТ СКОРО УСТАНЕТ».

Ладен показал на горло.

Десятник написал: «ОТВЕТИЛ ЖЕНЕ».

Его жена не могла быть под мостом. Голос обманул — и забрал плату за простой ответ, даже не связанный с тайной. Значит, во время сбора всякий произнесённый голос становился платой. Условие менялось или открывало вторую сторону.

Ладен показал запись Вельде.

Мать закрыла глаза и написала: «ВО ВРЕМЯ ДАНИ БЕРУТ ЛЮБОЕ СЛОВО».

Он прижал уголь к бумаге: «ТЫ ЗНАЛА».

«НЕ БЫЛА УВЕРЕНА».

«ПОЧЕМУ НЕ СКАЗАЛА?»

Вельда перечеркнула вопрос и ниже ответила: «БОЯЛАСЬ НАЗВАТЬ ПРАВИЛО И СДЕЛАТЬ ЕГО СИЛЬНЕЕ».

Ладен посмотрел на Нею. Сестра прочла и отвернулась.

Так тайна росла сама. Люди боялись говорить о правиле, потому что разговор мог укрепить его. Молчание оставляло их без защиты от следующей ловушки. Каждая попытка уберечь делала их менее знающими и более послушными.

На пятом часу ратанские солдаты Боруна начали ставить палатки у дороги. На велесском берегу зажгли сигнальные костры. Между ними ходила запертая сотня, не видя ни тех, ни других.

Нея сидела на парапете и считала насечки. На трёх кольцах проявилось по одной. На четвёртом — половина, едва заметная черта. Значит, молчание многих складывалось быстрее, но не просто по числу людей. Возможно, учитывались только добровольцы. Возможно, только те, кто понимал, ради чего молчит.

Орин подошёл, когда до отлива оставалось меньше часа.

Он нёс старую смотрительскую книгу.

Положил перед Ладеном и раскрыл на странице, склеенной по краю рыбьим клеем. Под верхним листом обнаружился второй, тонкий. Отец отделил его ножом.

На скрытой странице была нарисована такая же окружность с семью насечками.

Под ней: «Дань тишиной принимается до нижней воды. Всякое слово в срок дани считается добровольно внесённым, если говорящий предупреждён».

Ладен ткнул в последнее слово. Велесский десятник не был предупреждён. Женщина у канатного сарая — была. Борун — был, но продолжил говорить.

Орин написал на поле: «МОСТ СЧИТАЕТ ЗНАНИЕМ ДАЖЕ ЗНАК».

Ладен поднял взгляд.

Отец впервые за день не пытался остановить их. Он принёс доказательство.

Нея взяла книгу и написала: «ЕЩЁ СКРЫТО?»

Орин кивнул.

«ПОКАЖЕШЬ?»

Он не ответил.

До нижней воды оставалось несколько минут. Море отступило от свай, открывая чёрные камни и ленты водорослей. Туман опустился под настил. Семь арок стали видны целиком, будто мост приподнялся.

Кольца звякнули одновременно.

На каждом проступили насечки. Всего семь полных.

Проливник заговорил тихо, но его слышала вся слобода:

— Дань внесена. Семь часов приняты. Взятое возвращается по мере остатка.

Нея вскрикнула.

На этот раз звук был настоящим. Она схватилась за горло и произнесла:

— Ладен.

Потом ещё раз, громче:

— Ладен!

Хром открыл рот. Из груди вышел хрип, похожий на скрип дверной петли. Пекарь засмеялся этим хрипом, обнял ближайшего грузчика и попытался назвать его имя. Получилось только первое слогу.

Лисена сказала длинную фразу, но половина звуков провалилась сильнее прежнего. Мальчик канатчика заговорил чисто. Рута тоже. Пожилой велесский десятник прохрипел: «Домой».

Люди радовались, пока не начали сравнивать.

Из тридцати семи пострадавших полностью вернулись голоса только четырём. У девяти появились отдельные слова. У остальных — хрип, шёпот или ничего.

Нея могла говорить, но после каждой короткой фразы голос слабел.

— Семь часов, — сказала она. — На всех.

Вельда кивнула.

Семь часов не означали семь исцелённых. Дань разделилась между всеми, кого мост считал участником, включая солдата и, возможно, тех, кто оставался в петлях. Каждый получил долю.

Из тумана донёсся многоголосый крик. Велесская сотня на миг появилась сразу под всеми арками. Некоторые солдаты падали на колени, некоторые бросали копья. Потом видение распалось, и мост снова стал пустым.

Яра вслушалась.

Стук измерительного колеса прекратился.

Она шагнула к плите.

Ладен удержал её.

— Он остановился, — сказала она. — За девять месяцев впервые.

Из-под шестой арки раздался один удар. Потом голос Северьяна, слабый и настоящий или неотличимый от настоящего:

— Яра. Не отвечай. Я понял.

Она дрожала, но молчала.

Отлив закончился. Вода начала возвращаться между камнями.

Проливник произнёс:

— Остаток сохранён.

Ладен посмотрел на семь колец. Насечки на них уже тускнели, словно металл впитывал свет.

Слобода получила обратно несколько голосов и доказательство, что общая плата работает. Но долг не исчез. Он только стал видимым.

Нея взяла брата за руку.

— Теперь, — произнесла она медленно, бережно расходуя каждое слово, — никто не скажет, что это простуда.

На дороге Борун поднял чёрно-жёлтое знамя. Его люди снимали палатки и строились перед мостом.

Пристав нарушал тишину весь день. Если мост принял каждое его слово как добровольный взнос, он пока об этом не знал.

Ладен понял, что узнает скоро.

Глава 5. Один и тот же камень

Первым голос потерял Борунов писарь.

Он стоял перед строем, читал княжеский приказ и на словах «всякое препятствие считать изменой» вдруг закашлялся. Прижал ладонь к горлу, попытался продолжить, но изо рта вышел только воздух. Лист дрогнул. Солдаты за его спиной перестали поправлять ремни и посмотрели на мост.

Борун выхватил у писаря свиток.

— Дочитывать надо грудью, а не носом.

Он произнёс это громко, словно хотел доказать камню, что человеческий голос принадлежит человеку. Потом продолжил приказ сам. Дошёл до печати, свернул лист и велел снять цепь.

Ладен остался перед въездной плитой.

— Цепь останется.

После нескольких часов добровольной тишины собственная речь показалась ему слишком тяжёлой. Каждое слово падало между людьми как гайка на настил. Он прислушался к горлу. Голос был на месте.

Нея стояла справа и берегла вернувшиеся слова. Яра — слева, с дощечкой и углём. За ними Вельда усаживала потерявшего голос писаря на каменную тумбу. Орин листал скрытую страницу смотрительской книги, будто надеялся найти приписку, которая объяснит, почему дань закончилась, а мост продолжает брать.

Борун подошёл вплотную.

— Ты не понял приказа?

— Понял.

— Тогда исполняй.

— Впереди велесская сотня. Она не вышла.

— Впереди туман. Сотню видел ты и твоя немая артель.

Пожилой велесский десятник, которого вынесли из петли, ударил себя ладонью в грудь. Его вернувшегося хрипа не хватало на спор. Он подполз к куче сброшенного железа, нашёл свой наконечник и провёл им по камню четыре черты. Затем нарисовал солнце над каждой.

— Четыре утра, — сказал Ладен. — Он прожил там четыре дня.

— Велесец нарисует восемь, если ему нальют восьмую кружку.

Десятник попытался вскочить. Ноги не удержали. Нея поймала его за плечо и усадила обратно.

Борун повернулся к своим людям.

— Кто из вас боится пройти сто сорок четыре шага?

Никто не ответил. Страх в строю редко имел собственный голос; за него говорил ремень, затянутый на лишнюю дырку, или рука, слишком долго лежащая на древке.

Пристав выбрал солдата из первого ряда.

— Клим. Через мост. Дойдешь до пятой арки, вернешься и расскажешь смотрителю, сколько там шагов.

Клим был старше остальных, с рыжей проседью и разбитым носом. Он вышел без спешки. На нём висели короткий меч, тесак, круглый щит и поясная сумка. У въездной плиты он остановился.

— Один?

— Один быстрее.

— Приказ какой? Дойти до пятой и назад или перейти на тот берег?

Борун сощурился.

— До пятой и назад. Что непонятно?

Клим кивнул. Проверил ножны и ступил на мост.

Ладен не удерживал его. Цепь закрывала дорогу для строя, но один человек мог перелезть. Кроме того, Боруна не убедили бы ни записи, ни чужая хрипота. Ему требовался собственный солдат, исчезнувший на глазах.

Клим дошёл до первой арки. Под ней туман облизал подошвы сапог. До второй было двадцать два шага. Ладен считал про себя и видел, как плечи солдата покачиваются в такт. На двадцать третьем шаге Клим оказался возле первой бронзовой пластинки.

Он не заметил. Прошёл дальше.

Снова двадцать два шага — и снова та же пластинка, с тем же зелёным подтёком в виде рыбьего хвоста.

Яра подняла уголь.

«ОДИН КАМЕНЬ», — написала она.

Нея шепнула:

— Он поймёт.

Клим шёл ровно, пока в третий раз не миновал зелёный подтёк. Тогда остановился и потрогал его пальцем. Посмотрел назад.

За его спиной въездная плита была близко — шагов в сорока. Борун стоял перед ней, сложив руки. Впереди виднелась вторая арка. Солдат повернулся и пошёл к своим.

Двадцать два шага спустя он снова оказался у камня с рыбьим хвостом.

Клим ускорился. Затем побежал. Его щит бился о спину, ножны цеплялись за бедро. Он промчался мимо метки один раз, второй, третий. Мост не удлинился снаружи. Солдат оставался между первой и второй арками, то уменьшаясь в тумане, то вновь приближаясь к тому же камню.

— Клим! — крикнул кто-то из строя.

Тот обернулся.

— Назад! — приказал Борун.

Солдат побежал на голос. Через несколько мгновений туман проглотил его, хотя въезд был перед ним. Стук сапог продолжал звучать под первой аркой.

Борун схватил Ладена за ворот.

— Выводи.

— Он должен сложить оружие.

— Тогда скажи ему.

Ладен посмотрел на белую полосу тумана. Сказать можно было: «Брось меч, щит и нож». Это не раскрывало тайного назначения моста. Но приказ Боруна держал человека крепче ремней. Клим уже слышал «назад» и исполнял именно это слово, снова и снова выбирая сторону, которой не достигал.

— Клим! — крикнул Ладен. — Остановись. Сними всё железо.

Бег прекратился.

Из тумана донеслось:

— И пряжку?

— И пряжку.

— Княжеский знак тоже?

На щите Клима был нарисован чёрный волк Ратани. Сам щит держался на кожаных ремнях, железа в нём было только по краю и на выпуклой середине. У молодого велесца знак не имел значения: он вышел, бросив оружие. Но сейчас Ладен хотел узнать, что именно удерживает петля — металл, предмет или службу.

— Всё, чем будешь драться.

Медь легла на язык тонкой плёнкой. Он не назвал назначения заклинания, но коснулся его края.

Клим выругался. Затем на настил по одному упали меч, тесак и щит. Звук каждого удара приходил с разных сторон: меч звякнул под первой аркой, тесак будто упал у пятой, щит прокатился прямо под ногами Боруна, хотя самого солдата рядом не было.

Круглый щит выкатился из тумана и лёг гербом вверх.

— Теперь назад, — приказал Борун.

Стук шагов возобновился. Клим снова миновал камень с зелёным рыбьим хвостом.

— Пряжку! — крикнула Нея, потратив сразу два слова.

Из белизны вылетел пояс. На камень посыпались кресало, монеты, ложка, игла в деревянном футляре. Клим появился между арками в длинной рубахе и сапогах. Сделал семь шагов к берегу, но метка снова оказалась перед ним.

Яра быстро написала: «НЕ ЖЕЛЕЗО».

Ладен и сам видел. На солдате оставались сапожные гвозди, но молодой велесец вышел с такими же. Оружие лежало на настиле отдельно от человека, однако петля не отпустила.

— Что у тебя ещё? — крикнул Ладен.

Клим ощупал рубаху. Достал из-за пазухи сложенную ленту. На ней было вышито: «Вернись с честью».

— Жены подарок.

— Это не оружие.

— Я и не брошу.

Борун дёрнул Ладена за плечо.

— Хватит раздевать моего человека. Сделай своё дело.

— Я делаю.

— Нет. Ты торгуешься с камнем, который обязан тебе служить.

Проливник ответил из-под арки:

— Камень никому не обязан.

Строй отшатнулся. Голос духа был негромким, но казалось, что произнёс его сам парашет под ладонью.

Борун отпустил Ладена.

— А кто обязан?

Орин захлопнул книгу так резко, что в корешке хрустнул клей.

— Не спрашивай, — сказал он.

— Я спрашиваю у того, кто заговорил.

— Он ответит по букве.

— Тем лучше. Кто обязан держать этот мост открытым для ратанских людей?

Туман под первой аркой собрался в столб, похожий на человека лишь потому, что люди привыкли искать в неизвестном голову и плечи.

— Тот, кто принял плату за проход.

Борун взглянул на Ладена.

— Ты берёшь пошлину.

— За осмотр настила и подъём пролёта.

— Значит, обязан.

Проливник добавил:

— Плата за проход не внесена.

— Сколько?

Орин шагнул к Боруну, но не успел закрыть ему рот.

— Мирный путник вносит шаги, — сказал дух. — Вооружённый вносит отказ.

Ладен почувствовал, как отец замер рядом. Яра перестала писать. Это было новое правило или новая часть старого, названная самим Проливником. Медь не появилась. Дух мог говорить о договоре без ущерба, потому что не был хранителем. Или потому что произносил лишь следствие, не связывая его с молчанием.

— Отказ от чего? — спросил Борун.

— От того, с чем вошёл.

Пристав усмехнулся.

— Он вошёл со щитом. Щит лежит здесь.

— Он вошёл с приказом.

В строю стало тихо.

Клим услышал. Он стоял у знакомого камня, босой по службе, но всё ещё одетый в чужую волю.

Борун поднял княжеский свиток.

— Приказ нельзя положить на настил.

— Тогда он понесёт его дальше, — ответил Проливник.

Туман распался. Под аркой снова была только пустота и бегущая вода.

Борун повернулся к Ладену.

— Заставь его отказаться.

— Я не могу отказаться за него.

— Можешь приказать.

— Приказ отказаться от приказа оставит ему ещё один приказ.

Яра подняла глаза от дощечки. В них впервые за день мелькнуло не горе, а почти злое удовлетворение картографа, увидевшего твёрдую закономерность.

Борун понял её раньше, чем она успела записать.

— Не ухмыляйся, велеская крыса.

— Я не велеская крыса. Я служащая Палаты дорог.

— Одно и то же.

— Тогда ваша дорога закончилась на одном камне.

Он шагнул к ней, но Нея встала между ними. Голос сестры был слаб, зато нож для резки канатов в руке — вполне настоящий.

Ладен крикнул:

— Клим, слышишь меня?

— Слышу.

— Чего ты хочешь сам?

Солдат долго не отвечал. Борун поднял свиток, словно Клим мог увидеть печать сквозь туман.

— Исполнить приказ, — наконец сказал тот.

Камень с зелёным хвостом оказался у его левой руки. Клим ударил по нему кулаком.

— Тогда будешь ходить, — сказал Ладен.

— Сколько?

Пожилый велесский десятник показал четыре пальца. Потом ещё раз. Может быть, хотел сказать восемь. Может быть, просто не знал предела.

— Пока не откажешься.

— А если Борун отменит?

Пристав раскрыл рот.

Ладен опередил его:

— Тогда ты исполнишь новый приказ. Мост держит не бумагу. Он держит то, с чем ты вошёл.

Медь обожгла дёсны. Голос дрогнул, но сохранился. Ладен прошёл по самому краю тайны. Ещё шаг — и она возьмёт плату с кого-нибудь рядом.

Орин сжал его локоть.

— Замолчи.

— Девять месяцев, — сказала Яра. — Мой брат девять месяцев несёт цель, которую не сумел закончить.

Она произнесла это не для Боруна. Для тумана.

— Северьян вошёл без оружия, — напомнил Ладен.

— Но вошёл измерить середину. Если середины нет, он не может выполнить работу и не отказывается от неё.

Ладен посмотрел на колесо у сторожки. Значит, петля удерживала не только военный приказ. Любая цель, которую мост не пропускал или не позволял завершить, могла стать поводом. Вооружённого связывало требование пройти с оружием. Картографа — требование измерить то, что менялось от измерения.

Эта мысль объясняла слишком многое и одновременно делала мост опаснее. Мирные проходили не потому, что камень был добр к ним. Просто их простые цели — довести соль, навестить родню, принести письмо — можно было завершить на другом берегу. А человек, пришедший испытать мост, мог испытывать его до смерти.

Яра взяла дощечку, но Ладен накрыл надпись ладонью. Нельзя было собирать опасный смысл в одну фразу. Не здесь.

Клим тем временем сел возле знакомого камня.

— Воды дайте.

Ладен привязал кружку к длинной верёвке и толкнул по настилу. Она прошла под первую арку и через несколько мгновений вернулась пустой с другой стороны, описав круг, которого не было видно. Клим даже не успел коснуться её.

Борун приказал двум солдатам бросить товарищу бурдюк. Бурдюк исчез в тумане и упал к ногам велесского десятника на берегу. Тот поднял его, понюхал и протянул Ладену.

— Вещи выходят отдельно, — сказала Яра.

Так девять месяцев выходили вещи её брата.

Ладен присел у въездной плиты и осмотрел вырезанную ладью. Семь насечек на борту были забиты солью. Он вычистил первую кончиком бронзовой пластинки. Камень под ней оказался тёплым.

— Клим, слушай. Твой приказ — дойти до пятой арки и вернуться. Ты дошёл?

— Нет.

— Сколько раз видел этот камень?

— Не считал.

— Он перед первой аркой. Каждый раз, когда проходишь его, ты начинаешь тот же путь. До пятой не доберёшься.

— Доберусь.

Борун коротко кивнул, довольный ответом.

Клим поднялся, подобрал с настила обломок ракушки и процарапал на камне вертикальную черту. Пошёл вперёд. Через двадцать два шага снова оказался у метки и добавил вторую.

После седьмой он стал прихрамывать. После двенадцатой сел. Снаружи прошло меньше получаса. По его лицу текла вода — пот или туман.

— Откажись, — сказала Нея.

Слово вышло хриплым. Она прижала ладонь к горлу.

Клим поднял голову.

— А вы кормить моих детей будете, если меня за отказ повесят?

Никто не ответил.

Приказ был не только словами Боруна. Он был жалованьем, крупной на зиму, местом семьи в ратанской слободе. Сложить его на настил значило выйти без всего, ради чего Клим надел пояс.

Ладен посмотрел на собственные ключи. Его ремесло тоже кормило семью. Он привык думать, что держит мост ради жителей, но каждый раз, когда скрывал условие, защищал и своё место — единственного человека, без которого будто бы нельзя обойтись.

— За невыполненный приказ его не повесят, — сказал Борун. — Если смотритель выведет.

— Я не могу.

— Тогда это ты оставляешь его там.

Слова попали точно. Ладен мог поднять пролёт, перекрыть дорогу, проверить кладку. Он не мог пройти вместо Клим эти двадцать два шага и выбрать вместо него. Но тайна, из-за которой солдат не понимал выбора, принадлежала Ладену.

Орин тихо сказал:

— Не бери на себя чужую присягу.

— Мы уже взяли чужие голоса.

Отец побледнел.

Ладен подошёл к самой кромке тумана.

— Клим! Тебе не надо отказываться от Ратани, князя или службы. Откажись от этого перехода по этому приказу. Сам. Не потому, что велел я.

— Вернусь в строй — Борун пошлёт снова.

— Не пошлю, — сказал пристав.

Клим рассмеялся.

Смех прозвучал под всеми семью арками, и каждый отголосок был немного старше предыдущего.

— Вы только что приказали ему отказаться от приказа, — сказал он. — А мне велите поверить новому.

Борун сжал свиток так, что хрустнул воск печати.

— Сам решай, — процедил он.

— Это разрешение или приказ?

Пристав не нашёл ответа.

Яра подошла к въезду.

— Клим, положи ленту жены на камень.

— Не положу.

— И не надо. Прочти её.

Он развернул ткань.

— «Вернись с честью».

— Она написала «выполни приказ»?

— Нет.

— «Вернись победителем»?

— Нет.

— Тогда выбери, что для тебя значит честь. Только не отвечай мне. Скажи мосту своим поступком.

Борун хотел вмешаться, но Нея подняла нож. Писарь без голоса держал его за рукав. Даже ратанские солдаты отвернулись от пристава и смотрели на Клим.

Тот стоял у исцарапанного камня. Двенадцать чёрточек пересекали зелёный рыбий хвост. Он снял ленту с шеи, разгладил на ладони, снова прочитал вышитые слова.

Потом повернулся лицом к туману.

— Я не пойду к пятой арке, — сказал он. — Я возвращаюсь к жене. Это моё решение.

Камень треснул.

Не весь — только зелёный подтёк. Тонкая линия прошла через рыбий хвост. Из неё выступила вода.

Клим сделал шаг. Метка осталась за спиной.

Ещё шаг. Въездная плита приблизилась.

Он шёл медленно, словно боялся, что быстрым движением снова затянет петлю. На нём были одна рубаха и сапоги. Ленту он держал в кулаке. Когда до берега оставалось три шага, Борун произнёс:

— В строй.

Клим остановился.

Туман потянулся к его пяткам.

Ладен услышал, как Яра резко вдохнула.

Солдат посмотрел на пристава. Потом на меч и щит, лежащие у цепи. Перешагнул через них и сел рядом с велесским десятником.

— Сначала воды.

Туман отступил под арку.

Нея принесла кружку. Клим выпил, облился, попросил ещё. Его руки дрожали. Для людей на берегу испытание заняло меньше часа.

— Сколько? — спросил Ладен.

— Два дня. Может, три. Свет не менялся правильно.

Он показал ладони. Под ногтями была кровь: двенадцать зарубок он делал не ракушкой, а обломком собственного ногтя. Ракушка, которую видели с берега, осталась на настиле у первой метки. Внутри петли всё происходило иначе.

Борун молча поднял его меч.

— Возьми.

Клим не протянул руки.

— Я отказался от перехода, не от службы.

— Воин без меча не служит.

— Тогда запишите меня в обоз. Или посадите. Но на мост по этому приказу я не вернусь.

Пристав оглянулся на строй. Сорок человек смотрели на него и ждали, будет ли наказан солдат за решение, которое спасло ему жизнь. Если Борун ударит Клим, следующий предпочтёт петлю отказу. Если простит, признает, что княжеский приказ можно сложить, как меч.

Он вложил клинок в ножны и бросил рядом со щитом.

— До решения суда остаёшься под стражей.

Клим кивнул.

— Под стражей так под стражей. Только на этом берегу.

Двое солдат отвели его к палаткам. Не связали.

Борун подошёл к Ладену.

— Завтра прибудет ещё две сотни. Я доложу, что ты отказался обеспечить княжеский путь и вступил в сговор с велесской служашей.

— Доложи и о своей сотне, если решишь послать её.

— Ты думаешь, один фокус остановит войско?

— Это не фокус.

— Тогда объясни, что это.

Медь уже стояла во рту. Ладен проглотил кровь из прикушенной щеки.

— Камень, по которому человек идёт снова, пока несёт то, с чем его не пропускают.

Он выбрал правду, которую все только что видели. Не назвал ни цели заклинания, ни цены молчания.

Борун указал на Клим.

— Он вышел. Значит, выйдут и другие.

— Если выберут сами.

— В строю выбирает командир.

— Тогда командир и будет ходить их ногами по одному камню.

Пристав ударил его.

Кулак пришёлся в скулу. Ладен отступил на въездную плиту, но устоял. Нея бросилась вперёд. Он остановил её рукой. Ратанские солдаты отвели глаза. Яра не отвела.

— Цепь снимешь до рассвета, — сказал Борун. — Иначе я сниму тебя.

Он ушёл к палаткам.

Ладен потрогал разбитую губу. На пальцах осталась кровь.

Проливник заговорил из-под камня:

— Смотритель остаётся, пока исполняет принятое.

Орин схватил сына за плечи.

— Не отвечай.

— Я и не собирался.

— Он произнёс это для Боруна. Теперь пристав захочет узнать, что именно ты принял.

— А я хочу узнать раньше него.

Отец посмотрел на книгу под мышкой.

Ладен протянул руку.

— Все скрытые страницы.

— Не здесь.

— Сегодня.

— Ты уже сказал слишком много.

— Поэтому и должен знать, где следующий край.

Орин не отдал книгу, но впервые не сказал «нет».

Яра подошла к треснувшей метке. Из щели продолжала сочиться вода. Она собрала каплю на палец и попробовала языком.

— Пресная.

Внизу был морской пролив. Дождя не случалось три дня. Ладен провёл пальцем по трещине. Камень был холодным, хотя до опыта оставался тёплым.

— Один и тот же камень, — сказала Нея. — Но не один и тот же путь.

Голос у неё снова ослаб. Последние слова прозвучали шёпотом.

Яра посмотрела в сторону шестой арки.

— Северьяну нужен не выход, который мы найдём за него. Ему нужен выбор, который он сможет сделать сам.

— Сначала надо, чтобы он нас услышал.

— Сегодня услышал.

На настиле остались двенадцать зарубок, видимые только Климом. С берега зелёный хвост пересекала одна трещина. Ладен достал служебный мел и обвёл её, чтобы утром проверить, растёт ли.

У ног лежали брошенные меч, тесак, щит и пояс. Он велел перенести всё в сторожку и записать отдельно. Не как трофей. Как доказательство того, что оружие можно снять руками, а приказ — только решением.

На велесской стороне сотня продолжала шагать. Ровный топот доходил через туман с задержкой, словно каждый звук проживал несколько лишних часов.

На ратанской дороге зажигались новые костры.

Ладен поднял цепь выше и проверил замок. До рассвета Борун мог попытаться снять её силой. До рассвета Орин должен был открыть книгу. До рассвета Клим мог передумать, а княжеские люди — решить, что собственная воля опаснее бесконечного моста.

Под первой аркой один раз стукнуло измерительное колесо.
Яра шагнула к туману.
— Северьян!
Ладен зажал ей рот прежде, чем она сказала что-то ещё.
Они ждали.
Колесо стукнуло второй раз. Потом третий.
Не зов. Счёт.
Яра медленно кивнула, и Ладен убрал руку.
На камне под их ногами проступила новая мокрая черта — не вдоль моста, а поперёк,
от одного парапета к другому.
Проливник ничего не объяснил.

Глава 6. Приказ Ратани

К рассвету Борун привёз дверь.

Её сняли с ратушного архива вместе с петлями и куском косяка. Четверо солдат несли тяжёлую дубовую створку вверх по дороге, а за ними шагал пристав с молотком. На двери висел княжеский приказ под промасленной тканью. Чтобы никто не мог сказать, что не видел.

Ладен встретил их у цепи.

Ночью он не спал. Орин увёл книгу домой, обещав показать скрытые страницы, но сначала заперся с Вельдой в бывшей копильне. Из-за стены доносились голоса: отец говорил громко, мать отвечала редко. Ладен ждал до первого петушиного крика, потом вернулся на мост. Борун мог снять его раньше, чем Орин решится.

Поперечная мокрая черта на первом камне не высохла. Он обвёл её мелом ещё раз и поставил рядом время. Трещина с пресной водой стала длиннее на ширину ногтя.

Солдаты поставили дверь поперёк дороги. Борун сорвал ткань.

— Читай.

Его писарь стоял рядом, бледный и безголосый. На шее у него был шерстяной шарф, будто потерю речи можно было принять за простуду. Он протянул Ладену второй лист.

— Я вижу.

— Вслух.

— Зачем?

— Чтобы жители слышали закон.

Вокруг уже собирался Мглин. Рыбаки шли к лодкам, но задерживались на дороге. Канатчики стояли у сарая. Нея привела Хрома и Лисену. Яра держалась возле сторожки, а пожилой велесский десятник сидел на ступени, завернувшись в чужую куртку.

Клима среди ратанских солдат не было.

Ладен взял лист. Приказ был коротким. По сведениям о возможном вторжении Велеси мост объявлялся военным путём Ратани. Вся власть над проездом переходила к приставу Боруну Лютову. Смотритель Ладен Вежин отстранялся до разбирательства за препятствие княжеской службе. Жители Мглина обязаны были предоставить подводы, лодки, продовольствие и людей для укрепления берега.

Внизу стояла дата трёхдневной давности.

Борун получил приказ ещё до того, как велесская сотня вошла в петлю.

— Ты знал, что будут войска, — сказал Ладен.

— Я всегда знаю больше смотрителя.

— Поэтому вчера послал Клима проверить то, что уже собирался занять?

— Читай.

Ладен поднял лист, но не произнёс ни слова. После дани люди в Мглине слишком хорошо знали цену чтения вслух у моста. Писарь потёр горло.

— Здесь написано, что Борун берёт мост под военную власть, — сказал Ладен жителям. — Меня отстраняют. С вас требуют лодки, еду, подводы и работу.

— Ты пропустил имя князя, основания и печать, — заметил Борун.

— Суть не изменилась.

— Суть закона — в точных словах.

— Тогда читай сам.

Пристав усмехнулся, но лист не взял. Вчера он говорил во время дани дольше всех. Его голос пока оставался прежним, однако каждый раз перед фразой Борун сглатывал, проверяя горло.

Он повернулся к людям.

— Князь не просит у Мглина лишнего. Велесь ведёт сотню через нашу границу. Ещё две стоят на подходе к тому берегу. Мы защитим ваши дома.

Яра сказала:

— Велесская сотня вошла со своей стороны и не дошла до вашей.

— Потому что мост задержал её. Теперь мы займём выход.

— Вы собираетесь защищать Мглин, введя на тот же мост ещё три сотни?

— Я собираюсь открыть дорогу людям, которые знают приказ.

Среди ратанских солдат кто-то опустил глаза. История Климана уже разошлась по лагерю. Нея встала рядом с братом.

— Где он?

Ей хватило голоса только на два слова, но Борун понял.

— Под стражей.

— За что?

— За отказ.

Хром издал глухой звук. Поднял дощечку, на которой заранее написал: «ОН ВЫШЕЛ ЖИВЫМ».

— Он нарушил приказ перед строем, — сказал Борун. — Если такое оставить без ответа, завтра каждый решит, что служит, пока ему удобно.

Ладен показал на мост.

— Там приказ не удобен и не неудобен. Он бесконечен.

— Ни один приказ не бесконечен. У него есть цель.

— Тогда сам пройди с ней.

По толпе прошёл тихий смешок. Борун услышал.

— Хорошо. Сначала ты сдашь ключи. Потом я пройду столько, сколько понадобится.

Ладен ожидал этих слов и всё равно почувствовал, как внутри что-то оборвалось. Ключи висели на поясе с того дня, когда Орин впервые разрешил ему одному поднять пролёт. Два железных — от цепных барабанов, бронзовый — от замка сторожки, плоский с тремя зубцами — от люка в пятой опоре. Без них он оставался человеком, который знает мост, но не имеет права к нему прикоснуться.

— Ключи принадлежат смотрителю.

— Смотритель отстранён.

— Кто будет следить за приливом?

— Мой десятник.

— Он знает, когда разгружать противовес? Как проверить ось? Что делать, если шестая арка запоёт при боковом ветре?

— Научишь.

— И после этого поведёшь людей?

— После этого я решу, что делать.

Ладен посмотрел на дверь с приказом. Закон был настоящим, печать — тоже. Он мог отказаться и дать Боруну повод взять сторожку силой. Солдаты сломают замок, полезут к барабанам, тронут не тот рычаг. От упрямства мост безопаснее не станет.

Он снял связку.

Нея схватила его руку.

— Нет.

— Если они сломают замок, пролёт не поднять.

— Пусть.

— Под мостом ходят лодки.

Её пальцы разжались.

Ладен отделил бронзовый ключ от сторожки и два железных от барабанов. Плоский ключ оставил на кольцо.

Борун протянул ладонь.

— Все.

— Этот от пятой опоры. Там вода по пояс и гнилые ступени. Пока не покажу вход, твой человек свернёт шею.

— Покажешь сейчас.

— После малой воды. Сейчас люк под напором.

Борун не знал, правда ли это. Люк был доступен и на приливе, но открыть его без нужды значило впустить воду в полость опоры. Ладен не солгал; он назвал следствие.

Пристав взял три ключа.

Проливник под аркой произнёс:

— Принятое передано не полностью.

Борун застыл.

— Что ещё у него?

Дух не ответил.

— Я спрашиваю: что ещё он обязан передать?

— Вопрос не содержит плательщика.

Ладен увидел, как Орин, только что поднявшийся по дороге, остановился за спинами людей. В руках у него была смотрительская книга. Услышав ответ духа, он побледнел сильнее, чем ночью.

Борун поднял ключи.

— Платить за ответ буду я.

— Назови плату.

Пристав оглянулся на безголосого писаря, на Нею, на Хрома. Впервые Проливник потребовал цену заранее, не спрятанную в условии. Или всегда требовал, но хранители не позволяли задавать такие вопросы.

— Медная гривна.

Монета полетела под арку и исчезла в тумане.

— Плата не подходит.

— Серебряная.

— Плата не подходит.

— Тогда что тебе надо?

— Это второй вопрос.

Борун замолчал.

Орин подошёл к сыну.

— Ты отдал ключи?

— Три.

— Верни.

— Приказ законный.

— Не для него.

Отец кивнул на туман.

— Закон князя не меняет старого принятого.

— Что я принял?

— Не здесь.

— Ты говорил это ночью.

— А ты ушёл раньше, чем мы закончили.

— Вы до рассвета решали, можно ли мне знать собственную обязанность.

Орин прижал книгу к груди.

— Решали, можно ли назвать её и не повторить прежнюю ошибку.

Борун услышал.

— Какую ошибку?

Никто не ответил.

Снизу донёсся рог. На дороге показалась первая колонна подкрепления. Солдаты шли по четыре, копыта несли вертикально. За ними двигались две повозки с щитами, бочки, полевой кузнечный горн и связки кольев. Это был не отряд для охраны выхода. Борун привёл людей, чтобы закрепиться в Мглине.

Жители расступались неохотно. Колонна заполнила дорогу от сосен до соляного сарая. Командовал ею сотник в пластинчатом панцире, молодой и чисто выбритый. Он спешил перед дверью с приказом.

— Сотник Ведан Торм. По княжескому слову прибыл принять военный путь.

— Принимай, — сказал Борун и протянул ему ключи.

Ведан не взял.

— Где велесцы?

— В мосту.

Сотник решил, что ослышался.

— На мосту?

— В петле, — сказала Яра.

— Кто она?

— Велесская картографка, — ответил Борун. — Пока не арестована.

— Почему?

— Потому что я не нарушала ратанский закон, — сказала Яра.

— Потому что она нужна, чтобы вывести брата и объяснить измерения, — одновременно произнёс Ладен.

Борун посмотрел на него.

— Ты уже не решаешь, кто нужен.

Ведан перевёл взгляд с одного на другого.

— Покажите петлю.

Борун велел вывести Клима.

Его привели со связанными спереди руками. Лента жены была спрятана за пазухой. Увидев мост, он остановился так резко, что конвоир налетел на него.

— Рассказывай сотнику, — приказал Борун.

— Что?

— Всё.

Клим усмехнулся.

— Всё — долго.

Борун шагнул ближе.

— Сколько был внутри?

— Два дня. Может, три.

— Почему вышел?

— Отказался идти к пятой арке.

— По чьему совету?

Клим посмотрел на Ладена, потом на Яру.

— Решил сам.

— Тебе подсказали слова.

— Слова много кто подсказывал. Ногами вышел я.

В строю подкрепления зашевелились. Ведан поднял руку, и движение прекратилось.

— Оружие мешает?

— Оружие я бросил раньше. Не помогло.

— Что помогло?

— Перестал выполнять тот приказ.

— Значит, мост принуждает к неповиновению?

Ладен ответил:

— Мост никого не принуждает. Он не выпускает с тем, что не пропускает.

— А что он не пропускает?

Вопрос лёг у самого края запретного. Ладен почувствовал медь ещё до ответа.

— Вчера он не пропустил человека с военным приказом.

— Велесскую сотню тоже?

— Да.

— Значит, работает на нас.

— Пока вы не войдёте с таким же.

Ведан посмотрел на свой строй. В отличие от Боруна, он не улыбнулся и не стал доказывать храбрость. Он считал людей.

— Можно послать одного без приказа осмотреть путь.

— Нельзя послать без приказа, — сказала Яра. — Само «послать» уже связывает.

— Тогда доброволец.

— Которому вы заранее объясните задачу?

— Любая служба устроена так.

— Потому ваш доброволец войдёт не один. С ним войдёт ваша цель.

Ведан нахмурился.

— А мирные ходят?

Мара Шестова, стоявшая у рыбных корзин, подняла руку.

— Мой обоз проходил. Пока смотритель не нашёл стрелы в оси.

— Стрелы были товаром, — возразил её возчик.

— Наконечники, — поправила Мара. — И мосту всё равно, как мы их назвали.

Сотник велел привести одну из армейских повозок. В ней лежали мешки с крупой, котлы, палатки и под сеном — запасные наконечники копий.

— Выгрузить железо, — распорядился он.

Борун схватил его за локоть.

— Мы не будем разоружать сотню перед велесцами.

— Я не веду сотню. Проверю обоз.

— Приказ требует занять мост.

— Приказ требует обеспечить военный путь. Если путь глотает оружие и людей, сначала я выясню условие.

— Условие знает смотритель и скрывает.

Ведан повернулся к Ладену.

— Знаешь?

— Не всё.

Орин шумно вдохнул.

Это признание ударило сильнее лжи. Смотритель, который не знает собственного моста, выглядел либо дураком, либо соучастником.

— Что знаешь?

Ладен увидел лица жителей. Каждый ответ мог стоить кому-то голоса. Но молчание уже стоило им большего.

— Вооружённые возвращаются к одному участку пути, пока не откажутся от того, с чем вошли. Иногда недостаточно сложить железо. Мирные проходят, если их цель можно завершить на другом берегу. Тот, кто входит испытать или измерить сам мост, тоже может застрять.

Яра резко посмотрела на него. Он впервые произнёс вывод о Северьяне перед всеми.

Медь стала горечью. Под арками кто-то вздохнул. Нея прижала ладонь к горлу, но голос у неё не исчез. Хром попробовал произнести звук — тот же хрип. Писарь открыл рот без результата.

Плата не была взята. Пока.

Ведан указал на старую книгу.

— Там это написано?

— Не всё, — сказал Орин.

— Дай.

— Нет.

— По приказу князя записи о военном пути переходят командиру.

— Это не дорожная ведомость.

— Тогда что?

Орин молчал.

Борун вырвал книгу у него из рук.

Вельда ударила пристава по запястью деревянным черпаком. Никто не заметил, как она подошла. Книга упала, раскрылась на камнях. Из переплёта выскользнула тонкая скрытая страница.

Ветер подхватил её.

Ладен бросился следом. Лист перелетел цепь и лёг на въездную плиту. На мгновение он увидел рисунок: семь арок, под каждой человеческий профиль с закрытым ртом. Ниже шли две колонки старого письма.

Яра наступила на край листа прежде, чем его унесло в туман.

Борун шагнул через цепь.

Мост загудел.

Все семь бронзовых пластинок ответили разом. Звук был низким, от него заболели зубы.

Борун замер одной ногой по ту сторону.

— Назад, — сказал Ладен.

— Ключи у меня.

— Они от замков, не от этого.

Борун сделал второй шаг.

Туман собрался вокруг его сапог, но не замкнулся. Пристав не вошёл полностью: одна рука всё ещё держалась за цепь.

Проливник произнёс:

— Военный путь объявлен. Военная цель названа. Входящий предупреждён.

Ладен рванул Боруна за плащ. Тот упал назад, на дорогу. Связка ключей вылетела из руки. Нея накрыла её ногой.

— Ты напал на пристава! — крикнул один из солдат.

— Я вытащил его.

Борун поднялся с разбитым локтем.

— Я не просил.

— Ещё шаг — и просил бы несколько дней.

— А ты бы торговался.

— Я бы сказал то же самое: откажись от приказа сам.

Ведан поднял выпавшую страницу. Прочёл первую строку молча. Орин попытался забрать, но два солдата удержали его.

— «О семи хранениях», — произнёс сотник.

Ладен почувствовал медный удар так сильно, будто лизнул батарею из сырого металла. Нея закашлялась. У рыбных корзин вскрикнула женщина и схватилась за горло.

— Не читай! — крикнул Ладен.
Поздно.

Женщина пыталась позвать дочь, но не могла. Рядом ещё двое открывали рты без звука.
Ведан усталился на лист.

— Я произнёс четыре слова.
— Достаточно.
— Почему платят они?
— Потому что так устроено старое условие.
— Какое?

Ладен промолчал.

Борун рассмеялся коротко и зло.

— Вот ваш зритель. Говорит половину, а за вторую платите вы.

— Не он написал эту страницу, — сказала Вельда.

— Но он её хранит.

— Уже нет, — ответил Ведан.

Он сложил лист и убрал за пазуху.

— Верни, — сказал Ладен.

— Это доказательство опасности военного пути.

— Это опасность для всякого, кто прочтёт.

— Тогда прочту один в палатке.

Орин рванулся так, что солдаты едва удержали.

— Не соединяй строки! Там разнесено намеренно.

Сотник посмотрел на него.

— Значит, ты всё-таки знаешь.

— Знаю, почему нельзя читать подряд.

— Объясни.

— Без листа.

— В палатке.

Ведан приказал отвести Орина. Вельда вцепилась мужу в рукав. Один из солдат оттолкнул её. Нея подняла канатный нож, и сразу шесть копий легли в её сторону.

Ладен встал перед сестрой.

— Убери.

— Они забирают отца.

— Я пойду с ним.

— Ты отстранён, — сказал Борун.

Ведан помедлил.

— Пойдёт. Мне нужны оба зрителя.

— Один бывший.

— Тогда мне нужны бывший и отстранённый.

Ладен наклонился за ключами. Нея уже подняла их и сжала в кулаке.

— Отдай, — потребовал Борун.

Она покачала головой.

— Это княжеское имущество.

Нея выговорила медленно:

— Это ключи Мглина.

Люди вокруг зашевелились. Хром встал рядом с ней. Потом канатчик. Мара Шестова закрыла дорогу телегой, будто случайно оставленной поперёк. Рыбаки положили на плечи багры. Никакого сговора не было; каждый просто сделал один шаг.

Ведан оценил расстояние до строя и количество жителей.

— Ключи останутся у сестры смотрителя до осмотра механизмов, — решил он. — Два моих человека будут при ней.

Борун повернулся к нему:

— Я команду здесь.

— Ты управляешь слободой. Я отвечаю за сотню и путь.

— Путь уже передан мне.

— Тогда почему ты едва не вошёл в ловушку с ключами в руке?

Пристав промолчал.

Ведан велел разбить лагерь не у самого моста, а ниже дороги, на пустом поле. Оружие оставалось при солдатах, но подходить к цепи без отдельного разрешения запретили. Военный путь был объявлен и тут же закрыт собственным командиром.

Орина повели к палаткам. Ладен пошёл рядом. Перед тем как уйти, он обернулся к Яре.

Она держала старую книгу, из которой выпала страница. Борун забыл о переплёте, получив лист. Яра незаметно спрятала книгу под плащ.

Нея всё ещё сжимала ключи.

— Сторожка твоя до моего возвращения, — сказал Ладен.

— Она наша, — поправила сестра.

Может быть, именно этого Орин боялся больше всего: не потери тайны, а момента, когда мост перестанет принадлежать одному смотрителю.

У палатки Ведана поставили стол. Сотник положил скрытую страницу между двумя камнями, чтобы не свернулась. Писарь Боруна принёс чернила, хотя сам не мог говорить. Борун остался снаружи, но тканевые стены не скрывали слов.

— Начнём без чтения, — сказал Ведан. — Что означает рисунок?

Орин смотрел на семь закрытых ртов.

— Семь способов удержать принятое.

— Какое принятое?

Отец молчал.

Ведан указал на безголосого писаря за входом.

— Я видел, что случилось после четырёх слов. Если не объяснишь, страницу отправят княжескому совету. Её прочтут секретари, судьи, воеводы. Возможно, вслух перед всем залом.

Это была не угроза из жестокости. Сотник описывал обычный порядок. Именно поэтому он звучал страшнее.

Орин поднял глаза на Ладена.

— Смотритель принимает не только ключи.

— Что ещё? — спросил Ведан.

— Обязанность не произносить целиком, для чего мост был связан и чем поддерживается связь.

Медь наполнила палатку. Ладен увидел, как сотник поморщился, хотя сам ничего не говорил.

— Целиком, — повторил Ведан. — Значит, части произносить можно?

— Иногда.

— А если соединить?

— Платят окружающие.

— Голосами?

Орин закрыл рот ладонью.

Снаружи кто-то упал. Безголосый писарь бросился к палатке. На земле лежал молодой солдат, хватая воздух. Голос у него исчез после вопроса сотника, хотя он не сказал ни слова.

Ведан побледнел.

— Я задал вопрос.

— И соединил достаточно, — сказал Ладен.

— Почему взяло его?

— Не знаю.

— Кто выбирает?

— Не знаю.

— Что ты вообще знаешь?

— Что лист нельзя отправлять совету.

Ведан сел. Впервые за утро он выглядел не командиром, а человеком, которому дали в руки горящую лампу и не сказали, где разлито масло.

Он сложил страницу, не глядя на текст, и протянул Орину.

— Забери.

Борун вошёл в палатку.

— Это княжеское доказательство.

— Это оружие, которое стреляет в случайного человека, когда его читают, — ответил

Ведан. — Я не повезу его через всю Ратань.

— Тем более оно должно быть у власти.

— Власть только что лишила голоса моего солдата одним вопросом.

— Не власть. Их колдовство.

Борун указал на Ладена и Орина.

— Арестовать обоих. Тогда мост заговорит иначе.

Из-под земли донёсся Пролитник:

— Мост не меняет букву от ареста.

Пол палатки задрожал. Чернильница опрокинулась, чёрная лужа накрыла край княжеского приказа.

Ведан поднялся.

— До выяснения ни один вооружённый человек на мост не входит. Включая моих и твоих. Смотрители остаются при механизмах под наблюдением. Страница возвращается в книгу.

— Ты отменяешь княжеский приказ?

— Я обеспечиваю путь. Сейчас единственный способ обеспечить его — никого не посылать.

Борун вышел, откинув полог так, что ткань треснула по шву.

Орин вложил лист обратно в переплёт. Его руки дрожали.

— Это не все страницы, — сказал Ладен.

— Нет.

— Сегодня покажешь остальные.

Отец посмотрел туда, где молодой солдат безуспешно пытался назвать своё имя.

— Сегодня.

Когда они вернулись к мосту, дверь с приказом по-прежнему стояла посреди дороги. Дождь начал размывать чернила в нижних строках. Печать держалась.

Нея отдала Ладену плоский ключ от пятой опоры. Остальные оставила у себя.

— Все не дам.

Он не спорил.

Яра раскрыла книгу в сторожке и показала корешок. Под тканью переплёта прощупывались ещё три тонких листа.

Снаружи Борун велел прибить к архивной двери второе объявление: за отказ от подвод, лодок и припасов — суд по военному времени.

Мглин читал молча.

Под шестой аркой трижды стукнуло колесо. Затем ещё трижды.

Яра отметила промежутки.

— Не счёт шагов, — сказала она. — Он повторяет сигнал.

— Какой?

Она постучала пальцем по столу: три удара, пауза, три удара.

Орин закрыл дверь сторожки и положил книгу перед сыном.

— Сигнал старых смотрителей, — сказал он. — «Правило изменилось».

Ладен посмотрел на мост. Военный путь объявили человеческим приказом, но услышал его не только гарнизон.

Проливник тоже принял новые слова к исполнению.

Глава 7. Слова под камнем

Три скрытых листа нельзя было положить рядом.

Орин расставил их по сторожке: один на столе, второй на подоконнике, третий прижал бронзовой пластинкой возле печи. Старую книгу оставил закрытой на полу. Затем велел всем отойти так, чтобы никто не видел больше одного листа целиком.

— Будем читать глазами, — сказал он. — Не шептать. Не складывать строки вслух. Если встретите одинаковый знак, показывайте пальцем.

— Кому показывать? — спросила Нея.

— Мне.

— Тогда ты сложишь всё один.

Отец посмотрел на неё и впервые не нашёл готового возражения.

В сторожке были Ладен, Нея, Яра, Орин и Вельда. Снаружи у двери стояли двое солдат Ведана. Им приказали не входить и не слушать, однако один всё время наклонял голову к щели. Борунов лагерь гремел котлами ниже дороги. На другом берегу продолжал шагать невидимый велесский строй.

Яра предложила раздать листы по людям.

— Каждый прочитает свой и перескажет рисунком. Без слов.

— Рисунок тоже может завершить смысл, — сказал Орин.

— Тогда предметами.

Она высыпала на стол содержимое сумки: мел, верёвку, три грузика, складной циркуль, костяную линейку. Нея принесла из сарая семь камешков, две пустые чашки и моток нити. Вельда положила бронзовые кольца.

Ладен взял лист у печи. Чернила выпцвели, края были объедены солью. В верхней части изображался мост без берегов. Под ним стояли семь фигур, но лица у всех соскоблили ножом. Ни имён, ни знаков ремесла.

Текст шёл обрывками.

«...принявшие хранение...»

«...не назовут вместе...»

«...внесено теми, кто пребывает при...»

Нижняя половина отсутствовала. Не оторвана — вырезана ровным полукругом.

Ладен выложил семь камней под верёвочным мостом. Вместо лиц накрыл их пустыми кружками, нарезанными из старой накладной. Затем показал на рот и зачеркнул воздух пальцем.

Орин кивнул слишком быстро. Он уже знал эту часть.

Нея читала лист на подоконнике. Там были нарисованы две ладони: одна держала ключ, другая — человеческое горло. Между ними тянулась цепь из семи звеньев. Сестра положила ключ рядом с одним кольцом, а остальные шесть отодвинула к краю стола. Потом коснулась горла и указала за окно, на дома Мглина.

Вельда отвернулась.

— Ты видела это раньше, — сказал Ладен.

Мать кивнула.

— Когда?

Орин поднял ладонь: никаких вопросов, ответы на которые могут собрать правило.

Вельда всё равно ответила:

— Когда Нея родилась.

Медь не появилась.

— Почему тогда?

— Орин искал, можно ли передать хранение не сыну.

Нея медленно опустила лист.

— Мне?

— Мы не знали, кто из вас захочет мост, — сказала мать.

— Вы спрашивали Ладена. Меня — нет.

— Потому что нашли цену.

Нея показала на горло на рисунке.

Вельда снова кивнула.

Яра стояла у листа на столе. На нём сохранилось меньше слов, зато больше чертежа. Семь арок соединялись не с берегами, а с кругом, обозначавшим слободу. От каждого дома шла тонкая линия к мосту. Надпись под кругом была стёрта. В центре оставалось пустое место размером с ладонь.

Яра взяла нитки и протянула от семи камней не к ключу, а к рассыпанным по столу щепкам — домам. Затем все нити связала одним узлом.

Ладен почувствовал холод, хотя печь горела.

Хранитель был не единственным плательщиком. Он был человеком, который держал узел. Линии уходили к каждому, кто жил рядом.

— Безымянные, — сказала Нея.

Орин резко ударил ладонью по столу.

Поздно. Под полом что-то щёлкнуло. У двери закашлялся солдат.

Ладен распахнул створку. Молодой ратанец держался за горло. Его товарищ спрашивал, что случилось, и тем только пугал сильнее. Потерявший голос пытался ответить.

— Молчите оба, — велел Ладен.

Он отвёл их от сторожки. Голос не возвращался.

— Мы ничего не говорили, — сказал второй.

— Она сказала одно слово.

— Какое?

— Не повторяй.

Борун заметил суету и поднялся к мосту. За ним шёл сотник Ведан.

— Ещё один? — спросил Ведан.

— Стоял у двери.

— Значит, платит тот, кто слышит?

— Не задавай так.

Сотник прикусил губу и переделал вопрос в утверждение:

— Он слышал разговор через дверь.

— Возможно.

Борун заглянул в сторожку. Увидел листы, предметы, нити.

— Вы разбираете княжеский путь без княжеского представителя.

— Ваш представитель только что лишился голоса, — сказала Яра.

— Мой человек лишился голоса из-за ваших слов.

— Именно поэтому мы не читаем вслух.

Ведан велел заменить караул людьми, которые уже не слышат. Привели писаря Боруна и вчерашнего молодого солдата. Оба были безголосы. Решение казалось жестоким, но оно не могло отнять у них то, что уже взято.

Хром, узнав об этом, сам пришёл к сторожке. Поднял дощечку: «НЕМЫЕ НЕ ГЛУХИЕ».

Ведан прочёл и опустил глаза.

— Я знаю.

Хром зачеркнул слово «знаю» и написал: «ТЕПЕРЬ».

Борун приказал продолжать при открытой двери. Ладен отказался.

— Тогда листы заберут.

— И кто их прочтёт?

— Совет.

— Ты уже слышал, что будет.

— Я слышал объяснение людей, которым выгодно держать мост своим.

Нея вынесла связку ключей и бросила к его ногам.

— Забирай.

Борун нагнулся.

Она наступила на кольцо.

— Но сначала назови, кто откроет барабан, кто спустится в пятую опору и кто ответит за лодки, если пролёт заклинит.

Голос слабел, однако каждое слово было отчётливо.

— Назначу людей.

— Имена.

Он выпрямился.

— Ты торгуешься с властью?

— Нет. Передаю принятое полностью.

Проливник под мостом произнёс:

— Передача требует названного принимающего.

Борун посмотрел на ключи, как на зубы капкана. Поднять их означало назвать человека, который примет не только железо.

— Оставь пока, — сказал он.

Нея подняла связку.

— Тогда не мешай.

Пристав ушёл, ничего не добившись. Ведан остался у двери, но отвернулся к дороге.

Работу продолжили.

Орин признался, что листы спрятал его дед. До этого их хранили отдельно: один под въездной плитой, второй в пятой опоре, третий у сборщика пошрины. После большого мора умерли двое хранителей, и бумаги соединили в книге, чтобы не потерять. Именно тогда имена плательщиков исчезли из копий.

— Их соскоблили? — спросила Яра.

— Их не было.

— В договоре должны быть стороны.

— Была сторона, названная местом.

Медь появилась у Ладена на языке.

Орин замолчал.

Яра взяла чистый лист. Нарисовала мост, круг слободы и поставила между ними знак вопроса. Потом перечеркнула знак и написала одно слово: «МГЛИН».

Ничего не случилось.

Она добавила: «ЖИВУЩИЕ».

Под окном звякнуло бронзовое кольцо.

Вельда смела лист со стола.

— Хватит.

— Это не полная фраза, — сказала Яра.

— Моей дочери тоже хватило неполной.

Ладен поднял бумагу, сложил пополам, чтобы слова не стояли рядом. Одна сторона договора была названа местом и охватывала жителей. Не конкретных людей, не тех, кто поставил знак, не зрителя и его семью. Всех, кто пребывал при мосте.

Поэтому плата выбирала случайного слушателя. Поэтому дань делилась между десятками. Поэтому человек мог родиться через сто лет после договора и всё равно оказаться должником.

— Они подписали за тех, кого ещё не было, — тихо сказала Нея.

На этот раз медь хлынула мгновенно.

Из лагеря донёсся многоголосый крик. Потом оборвался один голос, второй, третий.

Ладен выбежал наружу.

У котла стояли трое солдат. Один держал половник, двое — миски. Все трое беззвучно ругались, указывая на сторожку. Они не слышали Нею через расстояние и шум. Значит, договор не выбирал слушателей.

Он выбирал тех, кто находился при мосте.

Ведан подбежал снизу.

— Что вы сказали?

— Не повторяю.

— Трое разом.

— Потому что смысл стал точнее.

Борун вытащил меч.

— Закрывать сторожку. Всех внутри взять.

Солдаты двинулись к двери. Хром и жители встали поперёк дороги. Нея вышла с ключами. Яра прижала листы к груди. Орин держал книгу.

Ладен поднял руки.

— Если разнести нас и бумаги, правило не исчезнет. Следующее точное слово кто-нибудь скажет случайно.

— Тогда молчать будете под замком.

— Как молчали наблюдатели? Посмотри, к чему это привело.

Борун поднёс клинок к его горлу.

— Я вижу свободу, где один род решает, кому говорить и кому неметь.

— В этом ты прав.

Пристав не ожидал согласия.

— Поэтому мы должны узнать договор целиком и изменить его.

— Ты сам сказал: точные слова крадут голоса.

— Значит, искать надо так, чтобы платил не Мглин.

Проливник заговорил:

— Названный плательщик может внести названную плату.

Все замерли.

Ладен повернулся к арке.

— Кто может быть плательщиком?

Орин закрыл ему рот ладонью, но вопрос уже ушёл.

— Тот, кто назовёт себя до вопроса, — ответил дух.

Ладен понял. До сих пор люди спрашивали, а цену назначал старый договор — безымянной слободе. Борун вчера сказал, что заплатит, но назвал монету, не себя. Чтобы задать безопасный вопрос, человек должен сначала вывести себя из общей толпы и принять цену лично.

— Я, Ладен Вежин, плачу за один ответ одним днём своего голоса, — сказал он.

Нея схватила его за руку.

Медь исчезла. Вместо неё в горле стало холодно.

— Где хранится недостающая часть договора?

Проливник ответил сразу:

— Под камнем, который не повторяется.

Ладен попытался спросить ещё, но голоса уже не было. Плата взята точно: один день, не чужая жизнь и не неизвестная доля.

Он улыбнулся Нее и показал на горло. Сестра ударила его кулаком в плечо, затем обняла. Ведан убрал меч Боруна от Ладена.

— Он заплатил сам. Вы слышали.

— Я слышал духа, — ответил пристав. — Это не делает его законодателем.

— Но делает единственным, кто получил ответ без трёх немых солдат.

Борун вложил меч в ножны.

— До вечера. Потом я забираю бумаги.

Он увёл людей вниз. Трёх потерявших голос оставили у лекаря.

Яра разложила карту моста прямо на дороге. На ней были отмечены все места, которые повторялись в петлях: зелёный рыбий хвост у первой арки, бронзовая пластинка у второй, скол в виде луны возле четвёртой, шестая арка с узлом измерений.

— Камень, который не повторяется, — сказала она. — При обычном проходе их сотни.

Ладен написал мелом: «В ПЕТЛЕ».

— Значит, нужно найти единственный камень, который человек видит один раз, даже когда путь повторяется.

Клим, которого снова привели к Ведану для показаний, услышал последние слова.

— Такой был.

Все повернулись к нему.

— В начале. До рыбьего хвоста. Плита с ладьёй. Я видел её, когда вошёл, но потом ни разу.

Въездная плита лежала у них под ногами.

На ней была вырезана ладья с семью насечками. Ладен осматривал её каждый день, вычищал соль, проверял трещины. Но всегда считал знаком границы, не частью договора.

Он опустился на колени и провёл пальцами по краю. Плита была шире соседних, без видимого шва. Поддеть её обычным ломом невозможно.

Нея подала связку ключей. Ни один не подходил.

Яра приложила костяную линейку к насечкам. Расстояния между ними оказались разными.

— Это не украшение.

Она перенесла промежутки на верёвку. Семь отрезков совпали с расстояниями между проверочными пластинками, если считать не от ратанского берега, а от шестой арки к первой.

Ладен написал: «ПЯТАЯ ОПОРА».

Плоский ключ на его кольце открывал люк именно там.

Они спустились под мост на лодке. Ведан дал двух гребцов без оружия; Борун запретить не успел. Прилив поднимался, вода била в опоры. Ладен показывал путь жестами, сохраняя оплаченное молчание.

Люк пятой опоры скрывался за полосой водорослей. Плоский ключ вошёл туго. Внутри пахло мокрым известняком и старым железом. Ступени действительно были гнилыми; на третьей Яра провалилась, но Нея удержала её за пояс.

Внизу находилась узкая полость. По стенам шли семь желобов, сходящихся к круглому камню в полу. Пресная вода текла из трещины и уходила по желобам в пролив.

Та самая вода, что появилась на камне после выхода Клим.

Круглый камень не был частью кладки. Он лежал свободно, но поднять его руками не удалось. На поверхности вырезали ладью без мачты.

Яра уложила верёвку по семи насечкам. Концы указали на две выемки. Нея вставила в одну бронзовый ключ сторожки. Ладен — плоский ключ опоры в другую.

Камень повернулся.

Под ним лежал не свиток, а обломок серой плиты длиной с предплечье. Буквы были высечены глубоко. Начало каждой строки отколото.

Яра осветила фонарём.

Они прочитали молча:

«...пребывающие при мосте, без числа и имени...»

«...вносят голос, когда хранитель приближает...»

«...до тех пор, пока назначение сокрыто...»

«...принято Проливником...»

Ниже оставалось место второго обломка. Его не было.

Нея села прямо на мокрый пол.

— Без числа и имени, — прошептала она.

Ничего не случилось. Здесь, внутри опоры, слова не взяли плату.

Ладен указал на стены. Они находились под камнем, который не повторялся, вне дороги и, возможно, вне места, названного договором «при мосте».

Яра поняла. Она прочла первую строку вслух целиком.

Голос остался.

— Здесь можно говорить, — сказала Нея.

Орин, спустившийся последним, покачал головой.

— Можно читать обломок. Полную формулу всё равно нельзя собирать, пока не знаем, что делает недостающая часть.

Ладен написал на влажной стене: «ГДЕ ВТОРОЙ?»

Проливник ответил не из тумана, а из воды под ногами:

— У принявшего другой берег.

Яра закрыла глаза.

Вторая половина договора находилась в Велеси. Возможно, Северьян искал её девять месяцев, сам того не понимая. Возможно, велесские хранители знали больше, чем признавались.

Наверху ударил рог. Один длинный сигнал и два коротких.

Ведан звал их немедленно.

Ладен завернул обломок в плащ. Камень под ним оставлять открытым было нельзя, но времени закрывать тайник не осталось. Снаружи загремели сапоги.

Когда они поднялись к люку, один из гребцов крикнул:

— Велесцы выходят!

Из тумана под всеми семью арками одновременно показались вооружённые фигуры.

Глава 8. Немой рынок

Первым из тумана вышел не человек, а его крик.

Крик прокатился под арками, ударился о камень и вернулся сразу с семи сторон. Слова разобрать было невозможно. Ладен увидел только открытые рты, мокрые шлемы и копья, которыми велесцы ощупывали дорогу перед собой. Под каждой аркой шёл один и тот же передний ряд: седой знаменщик с обмотанным запястьем, двое щитоносцев, мальчишка в слишком широком нагруднике. Но двигались они не одинаково. Слева знаменщик падал на колено. Справа он ещё держался. В средней арке его рука тянулась к древку, которого там уже не было.

Мост показывал им не семь отрядов, а семь мгновений одного отряда.

Ладен выскочил из люка пятой опоры и обеими руками велел гребцам отталкиваться. Нея поднялась следом, прижимая свёрток к животу. Яра удерживала фонарь зубами и помогала Орину выбраться. Лодку сразу понесло к сваям: прилив за последний час поднялся на ладонь, вода входила в пролив тяжёлыми косыми валами.

Сверху Ведан кричал солдатам, чтобы не ступали на мост. Борун кричал громче и требовал сомкнуть строй. Ни один не видел того, что было видно снизу: ноги велесцев не касались воды, хотя под двумя арками каменной дороги не существовало. Повторённый путь наложился на настоящий мост и теперь выталкивал застрявших наружу, как сеть, в которой стало слишком много рыбы.

Ладен показал на берег, потом на обломок в руках Неи. Сестра поняла.

— Не в сторожку, — сказала она. — Там первым делом станут искать.

Борун услышал.

— Что у вас?

Нея прыгнула на нижнюю лестницу, не ответив. Пристав послал двух людей наперерез. Ведан перехватил одного за плечо.

— Сначала уберите людей от въезда.

— Мои люди знают строй.

— Мост не знает ваш строй. Посмотрите.

Седой знаменщик шагнул из средней арки на настоящий камень. В ту же секунду его шестое отражение оказалось у ратанского въезда. Солдаты Боруна шарахнулись, один вскинул арбалет. Болт прошёл сквозь отражение и ударил в навес рыбной лавки на площади.

Там уже собирался утренний рынок.

В обычный день торговцы заняли бы площадь до рассвета, но дань молчания и военные приказы задержали лодки. Теперь люди спешили наверстать потерянные часы. Под полотняными крышами лежали корзины с камбалой, связки копчёной скумбрии, соль в серых комьях, репа, вяленая мята, мотки просмоленной пакли. Покупатели теснились у весов и спорили жестами: после вчерашней дани многие берегли ещё слабые голоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.